

ПОХИТИТЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

ДЕПЛОЗИЯ: КНИГА ПЕРВАЯ

ПОЛ ЭНЛИ

ЭКСПЛОРЕР
БУКС

18+

Пол Энли

Похититель реальности

«Автор»

2026

Энли П.

Похититель реальности / П. Энли — «Автор», 2026

Дариан — настоящий вундеркинд, к двадцати годам добившийся успеха сразу в нескольких научных областях. Но его последнее открытие сулит радикальный переворот человеческого мировоззрения и моментально привлекает к себе внимание ученых, политиков и религиозных деятелей. Дариан не подозревает, что и он, и его изобретения уже стали пешками в игре чужих амбиций. Спустя миллионы лет человечество расселилось по разным галактикам, достигнув теократической утопии под крылом Живого Бога Алума. Войны, голод и дефицит остались в далеком прошлом. Космическая экспансия идёт полным ходом, а смертоносные ангелы доблестно хранят от внешних угроз Царство Мира и Процветания. Впрочем, все это дела далекого будущего. А пока у доктора Шэрон Ли есть мечта — помочь человечеству стать умнее как виду. И ее нанотехнологический имплант — именно то, что нужно. Жаль только, что надзорные органы вставляют палки в колёса и препятствуют началу испытаний на людях...

© Энли П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Похититель реальности	5
Посвящение	6
Эпиграф	7
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	52
Глава 13	58
Глава 14	61
Глава 15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пол Энли

Похититель реальности

Похититель реальности

© Paul Anlee, 2017

© Перевод. А. Седунов, 2026

© Издание на русском языке Эксплорер Букс, 2026

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству Эксплорер Букс. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Посвящение

Посвящается Кортни.

Эпиграф

*Самая волнующая фраза,
которую может произнести ученый, –
фраза, возвещающая о новых открытиях, –
это вовсе не «Эврика!», а «Вот забавно...».*

Айзек Азимов

Пролог

В начале был Хаос. Вечный и беспредельный, темный и безмолвный. Он не бурлил кипучим пламенем или взрывами, ведь в нем не было ни вещества, которое могло гореть, ни кислорода, который подпитывал бы огонь, ни атомов водорода, которые сливались бы друг с другом в термоядерных топках звезд, ни атомов урана для распада. Стабильных физических законов, благодаря которым возможны химические и ядерные реакции, еще не существовало.

Но Хаос не был инертен, совсем наоборот. Виртуальные частицы, спонтанно возникающие из пустоты, из квантового вакуума, вовлекались в бесчисленные эксперименты. Они рождались парами, уравнивая положительную и отрицательную энергию, материю и антиматерию, а потом так же бесследно исчезали, оставляя лишь еле заметные возмущения в полях.

Но почему существовали сами виртуальные частицы? Почему существовало хоть что-то? Потому что так было всегда. Когда появлялись виртуальные частицы, квантовый вакуум сбрасывал внутреннее напряжение. И другой причины не требовалось.

Хаос был всегда, хотя в нем ничего не существовало в полном смысле этого слова – даже в течение наносекунды. В отсутствие стабильных причинно-следственных связей между фрагментами виртуальной материи стрела времени не имела направления, а ее количественная оценка была попросту бессмысленной. Абсурдно рассуждать о том, что случилось в прошлом, ведь «прошлое» представляло собой бездонную яму неизмеримого времени.

Безвременье Хаоса открывало неограниченные возможности для появления самых разных виртуальных частиц. Случайность заложила основы их многообразия. Физические законы кристаллизовались из эволюционной глины Хаоса и начали распространяться благодаря резонансам между соседними виртуальными частицами. Там, где резонансы накладывались друг на друга, возникали стоячие волны, рождались реальные частицы и высвобождалась избыточная энергия.

Из реальных частиц формировались самораспространяющиеся кластеры – крошечные островки нарождающейся реальности в виртуальном океане. Эти островки росли, преобразуя Хаос. Простые вселенные рождались и быстро умирали, их истории исчезали навсегда. Естественный отбор обеспечивался за счет стабильности, и так из Хаоса постепенно выросал Порядок.

Эти бурные эксперименты продолжались до тех пор, пока не столкнулись две необычайно стабильные зоны, резонансы которых идеально дополняли друг друга. Образование реальной материи ускорилось. Виртуальное ничто взорвалось новой материей, высвободив колоссальные объемы энергии. Резонансы стали расходиться во все стороны быстрее скорости света, устремляя Творение в бездну космоса. Пространство становилось все горячее. Из ниоткуда, из пустоты, из вечного и беспредельного Хаоса, будто огненный цветок, распустилась Вселенная.

Глава 1

Шэрон Ли закатала левый рукав лабораторного халата выше локтя. Пальцы дрогнули, когда шприц коснулся кожи на руке. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Я не делаю ничего плохого. Бюрократы из университета и FDA[1] просто пытаются взять нас измором. Коллегиальная экспертиза, преподавательская экспертиза, финансовая экспертиза, этическая экспертиза. Почему просто не дать нам спокойно работать? Они же знают, что это безопасно. У них уже есть все нужные данные.

Она выдохнула и попыталась успокоиться. Когда Шэрон открыла свои серо-голубые глаза, то почувствовала, что готова. Полна решимости. Тонкая вена едва виднелась под кожей, но она сможет нащупать ее острием иглы.

Годы, проведенные за поиском хвостовых вен у крыс, принесли свои плоды.

Шэрон представила, что ее рука – это большой чешуйчатый хвост. Из горла вырвался короткий, нервный смешок, едва не переросший в истерический приступ смеха.

Ладно, соберись уже и действуй.

Она сделала еще один неторопливый вдох. Тишину ярко освещенной лаборатории нарушал лишь мягкий гул оборудования. Шэрон слышала собственное дыхание. Последний из ее аспирантов ушел пару часов назад, а уборщики придут не раньше двух часов ночи. Еще целый час в запасе.

Она примостилась на краешке стула у самого дальнего от двери стола, где ее было бы сложно разглядеть сквозь окна в коридоре. Лабораторное оборудование весьма кстати заслоняло ее, если кто-то случайно пройдет мимо.

Перед ней рядом со штативом лежала пустая пластиковая пробирка с открытой откидной крышечкой. ДННД 3.2-003 – последняя версия, которая должна принести им настоящий успех.

Я что, рехнулась? – в сотый раз спросила себя Шэрон. – Или мне просто не хватает терпения?

Она понимала риски, как никто другой. В конце концов, это ее изобретение.

Четыре долгих года они ходили вокруг да около, но теперь пришло время для настоящего эксперимента – на человеке.

Она прижала иглу к коже под небольшим углом, чтобы не промахнуться мимо вены. От давления образовалась маленькая ямка.

Дверь в лабораторию резко распахнулась, загрохотало жестяное ведро на колесиках.

Шэрон подскочила и вскрикнула от неожиданности. Игла уколола руку, выступила бусинка крови.

– Ой, простите, – отозвался на ее крик уборщик.

Он заметил в глубине комнаты краешек белого халата, едва видный за столами и оборудованием.

– Я думал, все уже ушли домой.

– Ничего страшного. – Шэрон зажала пальцем ранку. – Но я пока занята. Можете зайти минут через десять?

Уборщик вытянул шею, чтобы получше разглядеть собеседницу. Судя по голосу, это доктор Ли, но точно не поймешь. Ох уж эти ученые. Он уставился на швабру и ведро, безуспешно пытаясь придумать вескую причину не менять свой распорядок.

– Конечно, я могу сначала обратиться у доктора Стросса.

– Спасибо. Я скоро закончу.

Уборщик взял швабру и выкатил ведро обратно в коридор, гремя сильнее обычного. Дверь за ним мягко закрылась.

Шэрон снова глубоко вдохнула. Затем смочила ватку спиртом и стерла каплю крови. И наконец, сжав губы, воткнула иголку в вену. Немного жгло, но не так сильно, как она ожидала.

Ни пуха ни пера.

Она ввела содержимое шприца, вытащила иголку и прижала чистую ватку к месту укола. Дело сделано.

Глава 2

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

В тот день, когда Шэрон Ли умерла в первый раз, ее утро началось как обычно, с пробежки вдоль реки Чарльз.

– До вечера, дорогой. Не забудь, сегодня меня нужно забрать не из лаборатории, а из офиса в центре. В шесть, как договаривались? – прокричала она через плечо, завязывая шнурки на кроссовках.

– О, точно! Днем у тебя совещание совета. Совсем забыл, – признался Пол.

Вечно у нее какие-то дела.

– Ага, очередное совещание совета. – Шэрон скривилась с нарочитым отвращением.

– Хорошо, в шесть в центре. Все понял.

– Спасибо. До вечера. Люблю тебя, – добавила Шэрон перед тем, как захлопнуть дверь.

Пятимильную пробежку она начала в комфортном темпе, стартовав из пригородного района Лоуэр-Оллстон, затем у Кембриджа повернула на восток, миновала Гарвард и добралась до корпусов МТИ и своей лаборатории в Центре Рэя и Марии Стата. Погода тем июньским утром выдалась отличной, без единого намека на дождь. Легкий рюкзак со сменной одеждой ритмично подпрыгивал у нее за спиной.

Новый проект продвигался успешно. Сенсорные нанотрубки на основе силицена, которые она разработала в рамках диссертации, были довольно хороши для первой попытки, но новый подход оказался даже лучше. Раньше ей приходилось кропотливо выращивать устройства атом за атомом на существующих микросхемах. На изготовление одного чипа уходили недели тщательной работы и еще столько же, чтобы вырастить на его поверхности нейронные клеточные культуры. Но теперь все иначе.

Успех с чипами принес Шэрон пару неплохих публикаций, но и только. О массовом внедрении в качестве интерфейса «человек-машина» речи не шло – уж точно не при текущей стоимости производства. К тому же имплантировать чипы можно лишь при помощи операции на мозге, а об одобрении подобной процедуры лучше забыть, во всяком случае, при ее жизни.

И тогда Шэрон нашла более удачное решение. Простыми словами – это было ее стандартное объяснение на «светской вечеринке» – она создала метод, с помощью которого собственные мозговые клетки человека строят микроскопические устройства, превращающие его в ходячий суперкомпьютер.

Если же говорить по-научному, то суть ее подхода сводилась к комбинации сенсорных полупроводниковых наночастиц и РНК, кодирующей фермент силиценсинтазу. Это гибридное РНК-полупроводниковое устройство Шэрон назвала динамическим нейронным нанодоменом, для краткости ДННД.

Когда она рассказывала о своем проекте, собеседник обычно выдавал одну из двух реакций: либо «О, так вы из тех ученых-трансгуманистов, одержимых идеей преобразить человечество», либо «Денди! Отличное название». И оба варианта выводили ее из себя.

Шэрон отдалась умиротворенному медитативному ритму своих шагов. Окружающий пейзаж растаял. Она сконцентрировалась на дыхании, при необходимости отвлекаясь лишь на дорожное движение на перекрестках. Войдя в нужный ритм, она позволила мыслям свободно блуждать среди событий, случившихся в лаборатории за последние четыре года.

Им удалось показать, что после введения мышам ДННД успешно пересекают гематоэнцефалический барьер и образуют функциональную систему в головном мозге без побочных эффектов. Одно это – гигантский прорыв для всей области.

Первое поколение гибридных ДННД умело лишь регистрировать нейронную активность. Другими словами, они могли слушать, но не говорить.

Второе поколение получило возможность напрямую активировать синапсы и вызывать гарантированную стимуляцию нейронов. Теперь ДННД умели и говорить, и слушать.

С базовыми возможностями ввода-вывода стало ясно, как создать полноценный прямой интерфейс с мозгом. Работа была захватывающей и новаторской. От второго поколения быстро перешли к третьему. Самое последнее поколение – версия 3.2 – воспроизводилось быстрее всех и было самым эффективным.

Все сходились во мнении, что денди обладают громадным коммерческим потенциалом, и для его изучения Шэрон с подачи попечителей института основала собственную компанию.

Контрольный пакет акций она поделила поровну между собой и мужем, а также предложила существенную долю двум постдокам, которые вместе с ней участвовали в разработке первых устройств.

Воодушевленные возможностью поработать в «реальном мире», Дэвид и Ник, в прошлом постдоки, а теперь бизнес-партнеры Шэрон, попрощались с университетскими стенами и прикнули к «Нейронано», где могли полностью посвятить себя как развитию технологий, так и собственному финансовому росту.

Когда в поле зрения показался университетский кампус, Шэрон сбавила скорость до заминочной, сделала глоток воды из пауча и положила руку на живот. Готова ли она к переменам в своей жизни? Ее все еще терзали глубокие сомнения по поводу материнства, но не по обычным причинам. Другим она в этом признаться не осмеливалась.

Полгода назад, сделав себе инъекцию ДННД, Шэрон была готова рискнуть собой и стала живой лабораторией. Ей и в голову не могло прийти, что она забеременеет спустя всего лишь месяц. Они с Полом были осторожны. И все же.

Любой ученый скажет, что “защита с вероятностью 99,9%” не означает 100%.

Как и большинство городских карьеристов, Шэрон легкомысленно отmelda риск в одну десятую процента как незначительный.

Упс.

Спустя несколько недель после инъекции пришло время довериться мужу. Она помнила свои мысли: *Сегодня вечером, после ужина. Как приятно будет наконец раскрыть карты.*

И это вполне могло произойти, не заскочи она к врачу по дороге на работу. Ее уже некоторое время преследовало «легкое недомогание». Она списывала его на начальную активность ДННД, но все же решила пройти быстрый осмотр, чтобы исключить другие варианты.

После осмотра врач попросил ее сдать стандартные анализы крови и мочи, пробормотал что-то насчет возможной беременности и предложил зайти через несколько дней, когда придут результаты из лаборатории. Одна мысль о ребенке привела Шэрон в ужас. Выйдя из кабинета, она направилась напрямиком в ближайшую аптеку и купила тест на беременность.

Вскоре, сидя в кабинке общественного туалета, Шэрон не могла поверить собственным глазам. Целую минуту она таращилась на тест, стараясь дышать медленно и сохранять спокойствие. Потом вернулась в аптеку и, чтобы удостовериться, выбрала еще несколько разных тестов. Все они показали один и тот же результат.

Нет, нет, нет, нет. Этого не может быть! – Свободной рукой она убрала волосы с лица. – И что теперь? Нельзя рассказывать Полу, что я экспериментировала на себе, уж точно не теперь. Он будет в ярости, в ужасе. Станет так переживать, что загубит себе здоровье. На меня и так слишком много навалилось, я просто не справлюсь. Нет уж. Пока не узнаем, что ребенок здоров, ни слова о ДННД.

О том, что в ее мозге зреет гибридная нанотехнология, Шэрон рассказала только Дэвиду и Нику. Да и то лишь потому, что ей требовалась помощь для наблюдения за ростом силициновой матрицы. Ей до сих пор с трудом верилось, что она решилась на подобный шаг.

Но с тем же успехом можно сожалеть о глупости, совершенной на пьяную голову. Сделанного не воротишь. Она не в силах ничего изменить. Остается лишь сохранять спокойствие и следить за здоровьем.

Нужно двигаться вперед.

Мне просто нужно немного времени, чтобы убедиться, что все в порядке, – говорила она себе. – И пока все и правда в полном порядке, лучше не придумай.

И все же приближался момент, когда ей придется раскрыть карты.

Пол устроит мне тот еще нагоняй и будет прав. Я бы поступила так же, если бы он провернул такой фокус со мной. Но рано или поздно он сменит гнев на милость. Беспокоиться не о чем, – заверяла она себя. – ДННД, которые я себе ввела, – последняя и самая безопасная версия. У них было достаточно времени, чтобы закрепиться в тканях мозга прежде, чем началось формирование плода. Они уже не сдвинутся с места. Ни я, ни ребенок ничем не рискуем.

Реакция университета, скорее всего, будет совсем иной.

От этой новости они придут в ужас. Ничего не поделаешь. Эксперименты на себе – грубейшее нарушение профессиональной этики. Непростительный грех. И даже если оставить в стороне вопросы морали и репутации, по-настоящему их волнуют страховка и управление рисками. Любая ошибка обернется катастрофой для имиджа университета. К счастью, теперь я работаю не только на них. По крайней мере, мою дерзость одобряют бизнес-партнеры. И готовы рукоплескать, пока у них есть возможность дистанцироваться от нежелательных последствий.

Риск, которому Шэрон подвергла себя, подчас пугал, но технология ДННД вселяла надежду на будущее. Ради этого исследования она пойдет на все.

Сложность технологий и общественных процессов выходит за рамки массового понимания. Миру нужна эта технология, и нельзя ждать, пока бюрократия поспеет за наукой.

Даже среди ее коллег почти не встречалось людей, способных выйти за рамки своих ужающе узких специализаций. Добавьте к этому нелепую и примитивную полемику последних президентских выборов, и становилось болезненно ясно: нужен прорыв. Это насущная проблема.

Если мы не станем умнее, то погубим себя своей же глупостью. ДННД совершат переворот. Я в этом уверена.

Шэрон знала, что FDA всего лишь руководствуется общественным мнением.

Если бы я только могла избавить людей от страха перед самовоспроизводящимися нанотехнологиями, дела пошли бы куда быстрее. Да, нерешенные вопросы есть до сих пор, но все не так плохо, как считается. Не каждая самовоспроизводящаяся технология выходит из-под контроля.

Последний квартал до лаборатории Шэрон преодолела неспешным шагом. Живот громко урчал, отвлекая ее и заставляя улыбаться.

Ладно, в последнее время диета у меня и правда странная, даже по меркам беременных.

С первой же недели после инъекции в ней стали пробуждаться странные пищевые пристрастия – и все из-за потребности ДННД в определенных химических элементах. Комплексы ферментов, закодированных в РНК, позволяли им воспроизводиться, используя доступные материалы. Но нужные вещества обычной «едой» не назовешь: глина, редкоземельные металлы, различные минералы. ДННД извлекали строительные кирпичики из ее крови. Когда их не хватало, Шэрон испытывала странные и непреодолимые приступы голода, но никогда не ставила их под сомнение и послушно исполняла веления тела.

ДННД забирают весь кремний и металлы. Анализы крови в порядке. Все будет хорошо.

Шэрон размяла уставшие мышцы и перед тем, как идти в лабораторию, отправилась в душ.

У нее была отличная команда. Они умели проявлять инициативу и не нуждались в при-смотре. Немного обидно признавать, но порой они успевали больше, когда Шэрон уезжала из города, а не стояла у них над душой. На случай непредвиденных ситуаций она общалась с каж-дым хотя бы раз в неделю, но в остальном просто не мешала работать.

– Доброе утро, Мэй, – крикнула она, проходя мимо офиса помощницы администратора рядом с лабораторией. – Кто-нибудь пытался со мной связаться?

– Нет, до совещания в «Нейронано» все свободно. Я напишу, если что-нибудь изменится. Будете на связи?

– А как же.

Шэрон похлопала по браслету-коммуникатору.

– Сегодня займусь подготовкой заявки для DARPA[2], но сначала проверю, как дела у моих «шестерок», – пошутила она.

Ее талантливая команда представляла собой разношерстную мультидисциплинарную братию со всех концов света. Помимо ее собственной страны, здесь собрались представители Индии, Китая, Канады, России и Бразилии. Все обладали разнообразными знаниями и навы-ками, в том числе по компьютерным технологиям, синтетической биологии, материаловведе-нию, математике и электронике.

– Доброе утро, народ! – весело поздоровалась она, входя в лабораторию.

– Доброе утро, Шэрон, – прозвучали рассеянные ответы.

Она огляделась по сторонам: Амерджит, Роб и Оливер – двое студентов-старшекурсни-ков и постдок – были заняты текущими экспериментами. Четверо студентов помладше уткну-лись в ноутбуки.

Надеюсь, читают или заняты чем-то полезным.

Она остановилась у стола Амерджит.

– Как сегодня поживают мыши?

Ами, как водится, выдала краткий отчет:

– Прогресс хороший. Спустя семнадцать месяцев мыши с версией 3.1 абсолютно здо-ровы, правда, заметно постарели. Мы продолжаем картировать функции мозга при помощи денди и фМРТ. Мыши с версией 3.2 живут уже десятый месяц, побочных эффектов не обна-ружено.

– Что с серотонином?

– По данным денди, уровни всех нейротрансмиттеров в пределах нормы.

Шэрон кивнула. Она терпеть не могла прозвище, которое дали ДННД, но так и не смогла отучить от него свою команду. И в итоге, пусть и с неохотой, смирилась.

Предвидя следующий вопрос, Ами добавила:

– Я еще не получила независимого подтверждения, потому что малышам во время про-цедуры приходится несладко. Но если вы считаете, что исходные данные требуют повторной проверки, я проведу независимый анализ.

– Нет, не нужно. Незачем брать микробиопсию мозга, если на то нет веских причин. Как прошло КТ? ДННД ведут себя хорошо?

– Ага. Все на своих местах.

Поддавшись подсознательной ассоциации, Шэрон невольно потянулась рукой к голове, но вовремя опомнилась и сделала вид, что приглаживает волосы. Студенты считают, что мыши первые и пока единственные млекопитающие с самовоспроизводящейся версией ДННД. Рас-крывать правду она не торопилась.

– Хорошо. Мы будем собирать данные еще несколько месяцев, а потом вернемся в FDA, чтобы получить одобрение для экспериментов на шимпанзе.

Ами выгнула бровь. Шэрон вздохнула.

– Да, снова.

Шэрон перевела взгляд на другой конец лаборатории и обратила внимание на погруженного в работу парня с кольцом в носу.

– Роб, в версии 3.2 уже есть признаки координированной сетевой активности?

Роб поднял голову от оборудования, только теперь заметив Шэрон. Он следил за сигналами ЭЭГ на многоканальном осциллографе и сравнивал их с цифровыми импульсами ДННД. Волновые формы ЭЭГ выходили за рамки его специальности по электронной инженерии в университете Ватерлоо, но для него это было лишь одним из применений обработки сигналов. Он еще не защитил докторскую, но уже вносил неоценимый вклад в область обработки данных в мозге млекопитающих. Роб снял наушники и положил на стол.

Играющую в них электронную музыку Шэрон услышала даже с противоположного конца лаборатории.

– Ты ведь понимаешь, что к тридцати оглохнешь?

– А? Что вы сказали? – Роб слегка улыбнулся. – Шучу. А что касается вашего вопроса, который я, кстати, прекрасно расслышал, то есть признаки образования маленьких локальных кластеров, но координации на уровне всей сети пока не наблюдается. За последнюю неделю кластеры стали чуть больше, а процесс заполнения вышел на плато. Я реально в восторге. Думаю, очень скоро мы сможем общаться со всей матрицей напрямую. Знаете, при большем количестве денди мы, наверное, сможем сократить время ожидания в следующем цикле.

Шэрон на собственном опыте убедилась, что в этом случае процесс идет быстрее. Начальное число денди, из которых формировалась матрица в ее собственном мозге, было вдвое больше, чем у мышей.

Но рассказать об этом я не могу. Иначе весь проект окажется под угрозой. Придется еще какое-то время притворяться.

– Да, Роб, я думала о том же. Давай прогоним кривую роста на новом поколении мышей с разной начальной концентрацией и посмотрим, удастся ли определить оптимальную точку старта. Ами, займешься этим на следующей неделе?

Ами оживилась при мысли о более интересной работе на ближайшие пару месяцев.

– Можно использовать версию 3.2?

Шэрон обвела взглядом лабораторное оборудование и адресовала вопрос Оливеру, который тихо работал в секторе синтетической биологии, пока другие были заняты разговорами.

Оливер оторвался от микроскопа.

– Дополнительные мутации в аргинине 153 синтазы и серине 506 карбоксильного хвоста репликазы превысили показатели предыдущего стабильного поколения 3.2. Однако ни одна из мутаций не увеличила общую процессивность более чем на несколько процентов. Так что версия 3.2, на мой взгляд, достаточно оптимальна и, как показывают эксперименты, хорошо переносится *in vivo*.

– Ну что ж, отлично.

Шэрон потребовалось несколько секунд, чтобы переварить ответ. Ей до сих пор было сложно держать в голове структуру белков так, как это удавалось Оливеру.

– Значит, 3.2. Рассчитай концентрации в диапазоне трех порядков относительно текущего стартового значения, и посмотрим, что лучше работает.

Она почти не сомневалась, что версия 3.2 будет близка к оптимальной.

– Думаю, на этом все. Перед совещанием мне нужно поработать над заявкой для DARPA. Есть вопросы, пока я не ушла?

Второкурсник, отвечающий за направление искусственного интеллекта, отвлекся от ноутбука.

– Не могли бы вы узнать у доктора Франти насчет его контактов в «Метацепте»? Позволят ли нам воспользоваться их алгоритмом параллельного обхода матрицы?

– Конечно, спасибо, что напомнил.

Получение согласия от «Метацепты» было одной из ее приоритетных задач. В сочетании с ДННД-технологией «Нейронано» перспективный алгоритм распознавания паттернов вполне мог стать основой для моментального обучения, о котором так мечтала Шэрон. А если учесть предстоящие КТ и фМРТ, то сегодняшний день мог и правда стать поворотным моментом в ее жизни.

Глава 3

В начале был Йов, вечный и беспредельный. Йов был всем, и все было Йовом. Но пришло время, и Йов в бесконечной мудрости Своей сотворил вселенную, исторгнув из Себя планеты, луны, звезды, кометы и галактики. На избранных планетах сотворил Йов живых существ, дабы благоденствовали те в гармонии друг с другом: микробы, травы, цветы, деревья, насекомые, рыбы, пресмыкающиеся, птицы и млекопитающие.

И сотворил Йов Исток, и сотворил Народ Свой, и поставил его во главе всей жизни. Народ же был одарен разумом и желал расти в понимании вселенной, которую создал Йов. И развил Народ методы и способы, стремясь познать мудрость Йова. Создал слуг и мыслящие машины, дабы те помогли им учиться быстрее прежнего. Йов же был доволен премудростью, которую вложил в Народ Свой.

И вот появились среди Народа Его два человека особых талантов: Дуур и Алум. Дуур был умен весьма и при помощи мыслящих машин сумел познать вселенную Йова лучше, чем все, кто был до него. Но в сердце его поселилась спесь, и возжелал Дуур заменить божественную мудрость Йова простыми знаниями людей.

Пока Дуур становился все могущественнее и рос в тщеславии своей науки, Алум, напротив, смирял себя и в набожности приближался к самому Йову.

И однажды в пылу гордыни и тщеславия восстал Дуур против власти Йова. Но Алум примкнул к Йову, и вместе изгнали они Дуура и его мыслящие машины из мира Народа.

И сказал Йов Алуму: «Пусть Дуур оскорбил Меня непомерной спесью, но ты был Мне верным слугой. Приказываю тебе забрать Народ Мой из этого мира и заселить все миры лучшими творениями, что Я создал. В помощь же одарю Я тебя Своей Силой, дабы Народ знал, что ты ведешь его во Имя Мое. Нарекую тебя Избранным и покидаю эту вселенную, чтобы отдохнуть в Вечности, доколе не завершишь дела своего».

И поклялся Алум: «Поведу Народ Твой, Господь, и да владычествует он над вселенной во Имя Твое. И преклонит колени пред Тобой и восславит Тебя, подобно мне, и да пребудет в ожидании Пришествия Твоего».

И взял Алум Народ Свой и привел их из Истока на Родной мир, говоря: «Согрешили мы против Господа, ибо не удовлетворялись любовью к Нему и стали искать разгадки глубочайших тайн Творения Его. Но несмотря на все ошибки наши и прегрешения, не оставил Йов Народа Своего. Вместо этого повелевает Он нам покинуть Исток и нести весть о Слове Божьем по всей вселенной. И будем править всем Творением во Имя Его».

И увидел Народ, что слова Алума правдивы, и воздал Ему хвалу, и принес обет верности Делу Его.

Из Книги Алума

Чужак пришел в город со стороны западных гор. И хотя событие это могло показаться совершенно не примечательным, в нем скрывалось множество странностей.

Во-первых, Алумстон был колонией, основанной на пятой планете в системе Гаргус-718, которая входила в состав галактики NGC4567 в скоплении Девы, и к западу от города было попросту неоткуда прийти пешком.

В горы не вела ни одна дорога. Все фермы располагались к югу от Алумстона. Стада паслись в молодых лесах на севере и востоке. Вне зоны терраформирования, простирающейся на десятки километров за границами города, планету Гаргус-718.5 можно было в лучшем случае описать как «не проявляющую открытой враждебности» к жизни земного стандарта. Горы – не то место, откуда приходили пешком.

Вторая странность заключалась в том, что чужак явился в город именно пешком. В Алумстон никто не прибывал иначе как через звездодом – транспортный портал, являющий собой одно из величайших благословений Алума, и никогда без предупреждения. О намеченных визитах основателей сообщалось в Интермате по четверникам. Основание новой планеты для быстро растущего человечества и так таило в себе немало сюрпризов, чтобы разбираться еще и с бесконтрольной миграцией.

Третья и, пожалуй, самая удивительная странность заключалась в том, что прибывший был чужаком. На каждой планете, где обитал Народ, имелся свой Алумстон, но чужаков ни в одном из них не встречалось. Численность в любом из Алумстонов оставалась более или менее в пределах запланированных ста тысяч душ-основателей, связанных друг с другом через Интермат. Отказ от приватности и анонимности матрицы считался малой ценой за благословенное право стать одним из избранных и открыть новый мир во славу Алума.

В отличие от рабочих на более развитых планетах, основателям приходилось тесно сотрудничать друг с другом, обмениваясь опытом и знаниями. Приватность расценивалась как причуда, непозволительная роскошь, угрожающая выживанию, не говоря уже об успешном выполнении миссии. К тому же связь через Интермат приближала человека к разуму Живого Бога.

Другими словами, появление ничем не примечательного чужака, который в самый разгар рабочего дня без предупреждения явился в Алумстон на краю Царства, стало весьма неординарным событием.

Путник, никем не замеченный из-за раннего часа, без помех углубился в город по 270-му лучу и подошел к первому человеку, которого увидел.

Хелен Брондинг следовала привычным утренним маршрутом в десять сегов из своей квартиры вблизи внешнего кольца в Первую детскую школу, где работала учительницей словесности. Сама школа весьма кстати располагалась рядом с алумитой – церковью Алума.

Незнакомец подошел прямо к ней и обратился на идеальном стандартном:

– Доброе утро. Могу ли я где-то раздобыть еды, чтобы разговестись? Я слишком долго обходился без пищи. – Он широко улыбнулся, будто они с Хелен были старыми друзьями.

Хелен отправила обычный идентификационный запрос, но о стоящем перед ней мужчине средних лет в Интермате не оказалось никаких данных.

Недействительная личность, – сообщила ее матрица.

Что?

Несмотря на неожиданный ответ, Хелен удалось соблюсти учтивость.

– Да пребудет с вами... мир Алума... добрый господин, – запинаясь, поприветствовала она на стандартном и отправила маршрут к ближайшему ресторану. – «У Розы» – один из лучших ресторанов в городе, и находится он прямо... Ой. – Она вдруг осеклась.

Вот же я дура. У него ведь нет доступа к Интермату. Как он получит маршрут?

– Прошу прощения. Вам нужно пройти три луча вперед, повернуть против круга рядом с «Ремонтом левитаторов у Джона» и пройти два кольца...

– Вам не за что извиняться, – прервал ее незнакомец. – Я получил ваше сообщение. Хорошего дня, мисс Брондинг, и спасибо.

Он вежливо поклонился и зашагал дальше, оставив ее в полном недоумении.

Улицы Алумстона, точнее улицы любого Алумстона, были устроены аккуратными концентрическими кольцами и равномерно расположенными радиальными лучами.

Нулевой луч начинался от Центрального парка с тщательно выверенным диаметром в двести метров и указывал строго на планетарный север. Направление вдоль лучей к центру называли центрическим, от центра – антицентрическим. Движение по часовой стрелке относительно нулевого радиуса – круговым, против часовой стрелки – антикруговым. Ближе к внеш-

ним кольцам, где промежутки между лучами становились слишком большими, появлялись вспомогательные лучи.

Хелен озадаченно кивнула и пошла дальше. Она была слишком ошарашена, чтобы отправить общий запрос или поднять тревогу.

Он сказал, что получил мое сообщение. А еще он знал мое имя!

Без доступа к Интермату ни то, ни другое невозможно.

Хелен шагала по лучу, ведущему к школе, пытаясь осмыслить эту краткую встречу.

– Доброе утро! Да пребудет с тобой мир Алума, Хелен! – Веселый голос брата Онтро нэм Страласи, донесшийся с верхних ступеней алумиты, вернул ее к реальности.

– Да... доброе утро, брат Страласи, – отозвалась Хелен и продолжила путь, все еще размышляя о разговоре с незнакомцем.

Хелен и добрый брат обменивались любезностями каждое утро вот уже три года и никогда не расходились раньше, чем через пять минут. Всякий раз они делились друг с другом полезными советами, рецептами, как вкуснее готовить из ограниченного ассортимента городских продуктов, или хотя бы парой трогательных школьных историй за прошедший день.

Брат Страласи любил весь свой Народ, но, поскольку дети особенно дороги Алуму, точно так же они были дороги и брату Страласи. Он всегда с удовольствием выслушивал милые байки из жизни детишек.

– Хелен, будь добра, задержись на минутку, – крикнул он, одновременно привлекая ее внимание сигналом в Интермате.

Учительница резко остановилась, удивившись собственной неучтивости, после чего повернулась к монаху.

– Прошу прощения, брат Страласи, – пробормотала она. – Я слегка отвлеклась.

– Пожалуй, не так уж и слегка.

Щеки Хелен вспыхнули.

– Со мной случилось нечто очень странное.

– Я заметил, что ты чем-то озабочена. Для такого прекрасного дня мне это показалось довольно странным. Прошу, расскажи, что случилось, – попросил он.

Впрочем, «просьбы» со стороны членов Алумиты представляли собой скорее вежливую формальность.

Хелен с облегчением переслала монаху запись разговора с незнакомцем.

– Я не понимаю, – вслух добавила она. – Он выглядел совершенно нормальным, но его нет в Интермате. И при этом он без проблем получил мое сообщение. Откуда он мог взяться?

Брат Страласи наморщил лоб. Запись, сделанная ее матрицей, вызвала немало вопросов.

– Я этим займусь. Хорошего тебе дня, милая. Да пребудет с тобой мир Алума.

Он резко повернулся и деловито направился к ресторану «У Розы».

Хелен впервые видела, чтобы добрый брат так реагировал на проблемы Народа. К деликатным вопросам и спорам он всегда подходил с неизменным чувством юмора, спокойствием и благоразумием, что несомненно свидетельствовало о десятилетиях опыта, который он получил, возглавляя основателей на полудюжине новых планет. Но сейчас в его обычно добродушных голубых глазах проглядывала холодная решимость главы местной администрации. Для Хелен эта тревожная перемена была в новинку.

Незнакомца монах обнаружил в светлом, уютном ресторане «У Розы», где тот с энтузиазмом уплетал стопку оладий. Брат Страласи сел напротив.

Гость попробовал кусочки фруктов, поданных к оладьям, словно вовсе не замечая монаха.

– Да пребудет с тобой мир Алума, – вежливо произнес брат Страласи.

Незнакомец поднял на него взгляд, будто только что заметил, и оглядел зал. Несколько столиков были заняты, но большинство посетителей, заглянувших в ресторан ради завтрака, ушли с час назад.

– И с тобой, – отозвался он и вернулся к оладьям.

Брат Страласи попытался вновь завязать разговор в максимально почтительной, но настойчивой манере.

– Прими мои глубочайшие извинения. Мне должны были сообщить о визите посланника. Я бы подготовился к твоему прибытию.

Незнакомец поднял голову и выгнул бровь, но ничего не сказал.

– Прошу прощения, что нарушаю твою трапезу. Ты ведь действительно посланник? Ты прибыл без предупреждения, не пользуясь общественным звездодомом, и твой Интермат принимает передачи, но для нас невидим. Логично предположить, что ты посланник, – заключил брат Страласи. – Как нам следует к тебе обращаться?

Мужчина отложил приборы и взглянул на брата.

– Когда я в последний раз пользовался именем, меня, насколько помню, звали Дарак Легсу, – ответил он. – Пусть будет так.

Брат Страласи решил повременить с вопросом, на который незнакомец предпочел не отвечать.

– Полагаю, к тебе лучше обращаться не посланник Легсу, а мистер Легсу?

– Любопытное заключение, – только и ответил незнакомец.

Брат быстро моргнул несколько раз подряд.

– Могу я узнать, с какой целью ты прибыл?

– Я отдыхаю после долгого путешествия.

– Но ведь мы у Предела, где Святая Алуминация теснит Дуурман. Откуда же ты вернулся? – недоуменно спросил брат Страласи. – Нижайше прошу прощения. Я лишь хотел сказать, что это довольно необычный выбор, ведь наша планета находится вдали от всех важных маршрутов, как торговых, так и духовных. Могу ли я как-то поспособствовать целям твоего визита?

Дарак поразмышлял над предложением.

– Нет, я просто хочу познакомиться с жителями этого аванпоста, чтобы лучше разобраться в веяниях времени.

Что за странные слова!

– Но ведь ты наверняка посетил сотни основанных планет. Едва ли наша чем-то выделяется.

– Ты прав, в ней нет ничего особенного, – согласился Дарак. – Просто она одна из первых, которые я обнаружил по возвращении в мир людей.

По возвращении в «мир людей»? Не в «Царство»? Неужели он хочет сказать, что побывал в Дуурмане? Но это немыслимо! Крайне неправдоподобно даже для посланника, и это еще мягко сказано.

И все же пришлось признать, что путешественник пробудил в добром брате любознательность. Рискуя проявить бестактность, любознательный мальчишка внутри него не удержался от вопроса:

– Откуда же ты прибыл? Твой путь был долгим?

На лице Дарака мелькнула гримаса.

– Путь был очень долгим. – Он обвел взглядом ресторан, заставив болезненные воспоминания отступить. – Последний раз я посещал такое место больше... скажем так, много лет назад. Чтобы вернуться, мне пришлось пересечь бесчисленные световые годы.

Бесчисленные световые годы? Но это невозможно физически. Что он имеет в виду?

Однако в первую очередь нужно разобраться с еще более необъяснимым вопросом.

– Ты сказал «вернуться»? Не утверждаешь ли ты, – тут брат Страласи наклонился ближе и понизил голос, – что прибыл сюда из Дуурмана?

– Мне ничего не остается, кроме как ответить «да».

– Но это невозможно! Туда никому не попасть!

Не сдержавшись, брат тут же понизил голос до заговорщического шепота.

– Мы оба знаем, что только... – он огляделся по сторонам, памятуя, что они находятся в общественном месте, – ...только автоматические разведчики могут покидать пределы Царства.

– Неужели? – с улыбкой в глазах спросил Дарак.

Он сидел, вслушиваясь в тихое позвякивание ложечки о кофейную чашку, и наблюдал, как в центре дымящейся жидкости образуется небольшая воронка. Когда он снова посмотрел на доброго брата, его взгляд был предельно серьезен.

– Я побывал на краю расширяющейся вселенной, за пределами того самого Дуурмана, в Хаосе, который лежит за ее границей. Мое возвращение заняло немало времени, если, конечно, время там имеет хоть какой-то смысл.

Их окружил фоновый шум кафе. Несколько секунд каждый размышлял о своем.

– И если к тому месту вообще применимо понятие «место», – добавил путешественник, с удовлетворением отпив кофе.

Брат Страласи не смог удержаться от следующего вопроса, хотя он и был самой настоящей ересью:

– Но зачем Алуму, да прославится Имя Его, отправлять тебя за пределы вселенной?

Дарак отмахнулся от вопроса и откинулся на спинку кресла.

– Я и без того сказал слишком много. Но вопреки твоим опасениям, я прибыл сюда не ради проверки колонии. Ваш город – лишь остановка на моем пути.

Слава Богу!

С плеч монаха спала тяжесть, о которой он даже не подозревал. И все же история незнакомца звучала невероятно.

Брат Страласи вздохнул – чуть громче, чем хотелось.

– В таком случае будем рады оказать тебе радушный прием. В алумите есть свободные комнаты – возможно, слишком скромные для человека твоего положения, но вполне комфортные.

– Благодарю, но в таких удобствах нет нужды. Я не посланник вашей Алумиты. С меня хватит и лагеря за городом, – отказался Дарак.

Брат Страласи ахнул.

– Но так нельзя, нестандартные зоны слишком опасны!

Уголки губ Дарака дернулись вверх в едва заметной улыбке, что не ускользнуло от внимания брата.

– Понятно.

Брат Страласи взглянул на Дарака по-новому и настороженно. На самом деле он ничего не понимал, но инстинкты подсказывали, что незнакомец не так прост, как кажется на первый взгляд.

– Итак, если ты не посланник, то как попал на нашу планету и в наш город?

– Есть только один способ путешествовать меж звезд, верно? Мой принципиально ничем не отличается от вашего.

Спокойная уверенность путника должна была приободрить доброго брата. Но он, напротив, ощутил тревогу и заподозрил неладное.

– Все путешествия через звездодход согласуются заранее, и ни одно не запланировано на эту неделю.

– Однако я говорю правду.

Брат Страласи уже хотел было опротестовать возмутительные заявления незнакомца, но вдруг осознал, что есть и другое, не высказанное вслух объяснение.

О!

Он в ужасе оттолкнул кресло и пал ниц перед Дараком.

– Смилуйся, Владыка! Я лишь твой невежественный и неразумный слуга! Прошу, даруй мне прощение и позволь нашему скромному пограничному городку служить тебе!

Он выжидающе взглянул на посетителей ресторана, но те лишь непонимающе тарасились, слишком ошарашенные, чтобы шевельнуться.

– Склонитесь пред вашим Господом и Владыкой! – воскликнул Страласи. – Ибо видите пред собой осколок Алума. В нем говорит глас Живого Бога!

Остальные тут же распростерлись на полу, следуя примеру доброго брата.

Глава 4

Покончив с делами в лаборатории, Шэрон заперлась в кабинете и остаток утра посвятила заявке для DARPA. Затем сделала небольшой перерыв, перекусив шеф-салатом из столовой внизу, и продолжила работать над заявкой до середины дня.

Когда пришло время собираться на совещание совета, появились первые признаки подступающей мигрени. Шэрон закрыла глаза, чтобы отгородиться от света, ущипнула переносицу и осторожно запрокинула голову.

Я никогда не привыкну к этой писанине для грантов. Меня наняли как эффективного преподавателя и ученого, а в итоге целыми днями заставляют писать заявки, заседать на совещаниях и разгребать административную работу. И когда прикажете заниматься наукой? Какая непомерная трата времени и навыков.

От этой мысли хотелось взвыть и расплакаться, но что толку?

Она открыла глаза и потянулась.

Пожалуй, пора. Над заявкой можно поработать и позже.

Она бросила планшет в рюкзак. По дороге заглянула к Мэй, надела шляпу и солнечные очки и направилась в «Нейронано», офис которой располагался в получасе ходьбы.

Они нашли отличное помещение для компании неподалеку от кампуса в Биотехнологической аллее. Прогулка помогала развеяться. Именно в это время в голову Шэрон приходили лучшие идеи.

Солнце согревало плечи.

Как приятно.

По пути она купила кофе со льдом и запила им пару болеутоляющих, надеясь унять мигрень.

До офиса она добралась с опозданием в пару минут, поэтому не стала, как обычно, подниматься по лестнице, а воспользовалась лифтом. Двери открылись у главного входа на четвертом этаже, и Шэрон погрузилась в знакомую рабочую суету.

Компания уже едва умещалась на своих трехстах квадратных метрах. Офисы были крошечными, большая часть пространства отводилась под биологические лаборатории, стерильные помещения для работы с полупроводниками и медицинские кабинеты. Такое решение шло на пользу бюджету и ускоряло рабочие процессы, а еще вызывало клаустрофобию и практически исключало возможность любой организованной работы.

У ее партнеров-учредителей, а в прошлом постдоков Ника Франти и Дэвида Арнелла были собственные небольшие офисы, примыкающие к стильной переговорной, где они проводили тщательно подготовленные презентации для привлечения инвесторов.

С недавних пор большая часть их времени и терпения тратилась на встречи с разными регуляторами в сфере здравоохранения: они сверяли отчеты, перепроверяли выводы, снова и снова обсуждали результаты экспериментов на животных. Коммерческая версия ДННД уже прошла дотошную проверку и аттестацию. Веских причин откладывать эксперименты на шимпанзе не осталось, но в FDA не хотели ни на йоту отступать от писанных правил. И этим дело не ограничивалось.

Шэрон подозревала, что ведомство тянет время по политическим причинам либо ждет, пока крупный бизнес обеспечит себе условия для максимального извлечения прибыли из ее изобретений. А возможно, все вместе. В современном мире клубок скрытых интересов становился все более запутанным.

Шэрон понимала, что ДННД представляют собой принципиально новый класс медицинских устройств, а с учетом их сложности и возможных последствий внедрения регулирующему ведомству не хочется лишний раз рисковать. Правда понимала. Чудо, если им удастся получить

одобрение, не допустив утечек в прессу или, того хуже, новости дойдут до невежественных скептиков и религиозных обличителей, которых становилось все больше.

Шэрон заглянула в стерильную производственную зону. Несколько постдоков напыляли ДННД при помощи сфокусированных ионных пучков – тем же старомодным способом, что и последние два года.

Через год они останутся без работы, – прикинула она. – И виной тому станет новое поколение ДННД, в котором сочетаются синтетическая биология и структурированный рост полупроводников.

Жаль терять таких квалифицированных специалистов, но для успешных инноваций нужна опора на все возможные области, без оглядки на старые границы. Если идти только путем линейного роста, их разработки никогда не станут доступными для широких масс по приемлемой цене.

– Шэрон!

Дэвид выскочил из переговорной и крепко, по-деловому пожал ей руку. Он не заметил, что Шэрон не проявила ответного энтузиазма.

– Как дела с МТИ? Как Пол? Как ты сама? – забросал он ее вопросами. – И что важнее – как поживает ребеночек?

Ее все больше настораживало, с какой увлеченностью Дэвид относится к корпоративному стилю и антуражу. Он всегда заверял ее, что здоровье ребенка превыше всего, однако порядок вопросов недвусмысленно намекал на его реальные приоритеты.

Корпоративная жизнь явно пошла Дэвиду на пользу. Несмотря на постоянное давление и необходимость выбивать деньги на ужинах с инвесторами, он был куда счастливее, чем когда занимался только наукой. И одеваться стал лучше.

– Шэрон, рад тебя видеть. – Ник поприветствовал ее не так бурно, зато искренне. – Как беременность?

Ник Франти был воплощением ученого. Он ничуть не изменился, даже став техническим директором «Нейронано»: волосы все такие же длинные и растрепанные, а по неформальному стилю в одежде сразу ясно, что в лаборатории ему куда комфортнее, чем на переговорах с потенциальными инвесторами.

– Пока все в порядке. – Шэрон погладила живот.

Хорошо, что она решила рассказать Нику и Дэвиду об эксперименте над собой. Кто-то должен объективно отслеживать рост ДННД и любые когнитивные изменения.

– Правда, сейчас у меня немного болит голова, – добавила она. – Весь день работала над заявкой для DARPA.

– Так себе новость. – Ник выглядел встревоженным. – Я про головную боль. Рад, что с ребенком все хорошо.

– Спасибо. По дороге я приняла обезбол. Скоро должно пройти.

Она уступила место во главе стола Дэвиду и села по правую руку от него.

– Ну что, начнем?

– Как скажешь. Это не официальное заседание. Вести протокол необязательно. Я просто хочу узнать, как обстоят дела в твоей лаборатории в МТИ, и обсудить следующий раунд финансирования. Хочешь выступить первой?

Значит, лаборатория уже не «наша», а «моя», – заметила Шэрон. – Любопытно.

Особенно учитывая, что до недавнего времени Дэвид сам работал именно там, а все результаты исследований непосредственно использовались в разработках «Нейронано».

– Хорошо, начну. – Она достала ноутбук. – С ДННД версии 3.2 все идет неплохо. У мышей не обнаружено побочных эффектов, однако нейронные сети еще не успели объединиться в единую функциональную структуру. Некоторые локальные участки активируются, но в поведении мышей это никак не проявляется. Роб считает, что сборка системы ускорится,

если начинать с большего числа денди. На моем примере мы уже знаем, что это так. На следующей неделе Ами подготовит серию экспериментов с разной начальной концентрацией, вот и посмотрим. У Оливера есть версии, которые воспроизводятся и образуют матрицу чуть быстрее, но он считает, что пока можно продолжать с версией 3.2.

Оба мужчины согласно кивали.

– Ну а ты сама? – спросил Дэвид. – Замечала у себя признаки внутренней активности ДННД?

– Пока нет, – ответила Шэрон. – Конечно, титры ДННД в моем случае выше, чем у мышей, но я думаю, что заметная активность проявится не раньше, чем через пару недель, а то и месяцев. Я надеюсь, что после сегодняшних КТ и фМРТ у нас появятся более объективные данные.

– А что насчет операционной системы? – спросил Ник, не дав ей еще больше увязнуть в страхе и чувстве вины.

– Ах да. Хорошо, что ты напомнил. Говард спрашивал, дадут ли нам доступ к новому софту.

– Ты про алгоритм параллельного обхода матрицы? Похоже, удача на нашей стороне: «Метацепта» не считает его критичным для своих бизнес-планов. Говорят, что алгоритм слишком абстрактный. Так что мы можем получить его за небольшой лицензионный взнос. Я его уже скачал. И все подготовил к замене стандартных алгоритмов. Если хочешь, можешь завтра же внедрить его в мышей.

– Почему бы прямо сейчас не загрузить его в мою матрицу?

Дэвид оживился. Но у Ника, похоже, были сомнения.

– Ты уверена, что это разумно? – спросил он.

– А почему нет? Какой может быть вред от замены пары алгоритмов в сети, которая еще даже толком не функционирует? Мама всегда говорила: «Снявши голову, по волосам не плачут». Да и я, кажется, уже доказала, что проекту предана на все сто процентов.

Она перевела взгляд с Ника на Дэвида: первый выглядел встревоженным, второй излучал лишь нетерпение. Возражать ни один не стал.

– Тогда давайте сделаем это сразу после сканирования, – заключила она.

– Договорились, – оживленно согласился Дэвид. – Ник, настроишь все, пока мы с Шэрон пройдемся по последнему предложению о финансировании? Мы с тобой обсуждали его вчера.

– Хорошо, – без особого энтузиазма отозвался Ник.

Он неуклюже выбрался из кресла, глянул на Шэрон. Она встретила его взгляд спокойно. Он пожал плечами.

– Мне хватит и пары минут. Когда освободишься, можем сразу встретиться в лаборатории.

– Конечно. Приду, как только закончим.

Дэвид принялся расписывать последнюю сделку, которую он готовил для «Нейронано».

Финансовый аспект всегда давался Шэрон с трудом. И хотя она не отгораживалась от этих вопросов целиком, они ее раздражали.

С какой стороны ни посмотри, казалось несправедливым, что для привлечения новых средств на коммерциализацию ей, Полу и Нику придется отказаться от несоразмерной части акций, в то время как доля Дэвида останется почти нетронутой.

По словам самого Дэвида, на этом настояли ключевые инвесторы, которым хотелось, чтобы он, будучи генеральным директором компании, сохранил «шкурный интерес».

Шэрон терпеть не могла жаргон «старой школы» финансового мира.

Очередной мужской клуб, помогающий старым друзьям с деньгами и влиянием отбирать контроль над любыми перспективными идеями у изобретателей.

С предложением Дэвида она согласилась, лишь бы побыстрее закончить. Голова раскалывалась от боли. По пути в кабинет КТ пришлось держаться за стену коридора, чтобы не потерять равновесие.

Ник был готов приступить к делу. Когда Шэрон легла на кушетку, он заметил ее бледность.

– Все в порядке? Можем перенести на другой день.

Шэрон вяло улыбнулась.

– Нет, все нормально. Просто когда мы обсуждаем бизнес, Дэвид становится слишком уж напористым.

– Ха! Знаешь, каждый раз, как я захожу с ним разговор о деньгах, заранее понятно, что меня обвели вокруг пальца. Просто я не знаю как именно.

– Но надо признать, что именно благодаря ему мы смогли выполнить львиную долю требований FDA. Мы так близки к выходу на рынок.

– Пожалуй, – согласился Ник. – И думаю, нам по-прежнему принадлежит больше половины компании. Если понадобится, то на голосовании мы наверняка сможем обойти и его, и инвесторов.

– При условии, что Пол встанет на нашу сторону.

– Надеюсь, это не проблема!

– Нет, нет, – успокоила Шэрон. – Нет нужды выкатывать глаза, я просто пошутила. Пол всегда поддержит нас на голосовании. Без вопросов.

– Хорошо. Что ж, если ты готова, начнем КТ? Потом установим новый софт и посмотрим, что покажет фМРТ.

– Я готова. Можем приступить. – Шэрон поудобнее устроилась на кушетке, и та медленно въехала внутрь сканера.

Спустя несколько минут они с Ником изучали данные. Количество и распределение ДННД находились на приемлемом уровне, а микросканирование отдельных областей мозга показало, что сеть наноскопических волокон почти завершена.

Довольный результатами, Ник помог ей надеть индукционный шлем для перепрограммирования денди. По виду устройство напоминало старомодную сушилку для волос из салона красоты.

– Столько умников в лаборатории, и ничего более изящного придумать не смогли? – пошутила Шэрон.

– Однажды ты еще спасибо скажешь, – парировал Ник.

Чтобы исключить прямое перепрограммирование мозга извне, в ДННД встроили систему безопасности. Для установления доверенного соединения использовалась сложная процедура квитирования. После того как система давала добро на подключение, шлем генерировал в ближнем поле радиосигналы определенной частоты и с их помощью взаимодействовал с ДННД. Таким образом, разум Шэрон становился доступным как для чтения, так и для записи. Хорошо, что этим устройством не пользовался никто, кроме Ника.

Ник подошел к клавиатуре и нажал несколько клавиш. Шэрон ничего не почувствовала. Не прошло и минуты, как он подал ей знак «готово».

– Банально донельзя, Ник. Как и всегда. Давай посмотрим, есть ли изменения на фМРТ.

Шэрон сняла громоздкий шлем и переделась в балахон. Перед процедурой приходилось снимать все, что могло повлиять на магнитное поле в 15 тесла. Она вытянулась на столе магнитно-резонансного томографа, дожидаясь, пока ее втянет внутрь гигантского тороидального магнита. Головная боль грозила вот-вот вернуться.

Надеюсь, эта мигрень не смажет показания.

В течение последующих двух часов Шэрон проходила серию перцептивных и когнитивных тестов, а аппарат измерял локальную активность мозга и пытался соотнести ее с наноэлек-

тронной активностью ДННД. Последние тридцать минут дались немного проще, чем первые девяносто: от нее требовалось лишь лежать и описывать свои ощущения, пока ближнеполевой передатчик внутри аппарата посылал стимулирующие сигналы ДННД.

– Я вижу синие вспышки. О! А теперь красные. Теперь чувствую запах говядины с имбирем. Что ты сказал? Прозвучало как «переверни страницу». Ух ты, мне в голову только что пришло уравнение, которое описывает скорость напыления кремния на силициновые центры нуклеации в сфокусированных ионных пучках. Я и не думала, что до сих пор его помню! – Ее правая рука дернулась на несколько дюймов вверх.

Стимуляция и сопоставление данных продолжались до тех пор, пока Ник не убедился, что показания фМРТ не являются случайными совпадениями.

– Думаю, на сегодня хватит. Сеть ДННД функционирует примерно на девяносто пять процентов, и у нас достаточно данных, чтобы приступить к тонкой калибровке. – Он выкатил платформу из магнита и выключил томограф.

После этого они с Шэрон взялись за изучение записей нейронной активности. фМРТ словно оживила их мечты, яркими, переливающимися цветами отражая корреляцию между ее мозговой активностью и сигналами ДННД.

– Ну надо же! Ты только погляди. Это просто чудо. Шэрон, это настоящее чудо!

Она с признательностью взглянула на Ника.

– Ты ведь понимаешь, что по сравнению с денди-матрицей разрешающая способность фМРТ довольно груба. Как только денди заработают на полную мощность, то смогут картировать каждую мою мысль в десять тысяч раз точнее. Вот это будет настоящим чудом. – Она помассировала лоб меж глаз. – Но сейчас мне пора. Эта головная боль сведет меня в могилу.

Ник смерил ее пристальным взглядом.

– Я за тебя беспокоюсь. Такого побочного эффекта мы не ожидали. Возможно, есть проблема во взаимодействии денди с новым софтом.

Он пересмотрел сканы фМРТ.

– Я вижу нелокализованное расширение сосудов в затылочной и префронтальной коре, но при таком уровне мигрени обычно не возникают.

– Скорее всего, это просто усталость. К тому же все началось еще до совещания, – заметила Шэрон. – А потом добавились последние сделки Дэвида и заявка в DARPA, день выдался не из легких.

Ник впился в нее глазами.

– Возможно, – задумчиво произнес он. – Поезжай домой и вечером отдохни. Больше никаких заявок. Это предписание врача.

– Хорошо, обещаю не напрягаться. Примерно через час за мной заедет Пол. Возьму внизу кофе и подожду его.

– Если станет хуже, немедленно звони. Я серьезно.

– Хорошо. Давай встретимся в следующую пятницу и займемся калибровкой. Так у ДННД будет достаточно времени, чтобы достроить связи, а я успею разобраться с заявкой для DARPA.

Глава 5

Шэрон прислонилась к стенке лифта и медленно выдохнула. Как же приятно наконец выбраться из офиса. Стоило выйти на первом этаже, как головная боль пошла на спад. Манящий аромат кофе сулил еще больше облегчения.

Несмотря на вечерний наплыв посетителей в кафе, ей удалось занять желанное место у окна. Сделав заказ, она стала рассеянно всматриваться в пестрый людской поток. Смешение людей самых разных возрастов, происхождения и уровня дохода давно стало визитной карточкой успешных научно-деловых центров по всему миру.

Мимо проходили директора обоих полов, седоволосые, ухоженные, одетые с иголочки и погруженные в разговоры с неуклюжими преподавателями и юнцами со скейтбордами в руках. Доносившиеся до нее обрывки рассуждений по большей части касались очередного технологического чуда, которое «изменит мир в ближайшие пять лет». Разница в представлениях, что именно это будет за чудо, делала атмосферу еще живее.

Принесли ее капучино. Сделав пару глотков, Шэрон почувствовала себя настолько хорошо, что решила заняться статьями. Ее команда охватывала сразу несколько областей, поэтому список для чтения был довольно обширным и включал десятки научных и технических журналов. Чтение актуальных статей отнимало заметную часть ее времени, уступая лишь работе над заявками для грантов.

Удивительно, что у меня вообще остается время на исследования и преподавание, а ведь именно для этого меня наняли.

Как и все профессора, она на собственном горьком опыте знала, как ярко университет отстаивает этот популярный миф.

Сплошной фарс.

Шэрон достала из рюкзака планшет и переключила его в режим чтения. Из-за плотного графика приходилось выбирать самые важные публикации с помощью автоматических фильтров. Она пролистала список из сотни топовых статей, которые рассчитывала просмотреть на этой неделе.

Прочитав половину первой статьи, Шэрон решила, что ничего стоящего в ней нет, сделала глоток кофе и переключилась на следующую. Ее она прочитала за несколько минут и вознаградила себя очередным глотком.

Надо же, а дело продвигается быстрее, чем обычно.

Иногда у нее уходил целый день, чтобы разобраться в хитросплетениях какой-нибудь десятистраничной статьи из журнала Cell.

Следующая статья пролетела незаметно. Шэрон не только все поняла, но и запомнила иллюстрации – и из этой статьи, и из двух предыдущих. Вскоре она тратила по несколько секунд на страницу, ничего не упуская.

Ничего себе, я щелкаю их, как орешки! Хорошо, что голова прошла.

Когда на горизонте маячит дедлайн для подачи заявки на грант, даже один пропущенный день из-за головной боли, пусть даже мигрени, – непозволительная роскошь.

Перезвон браслета вырвал ее из потока слов, картинок и идей. Шэрон отложила планшет и заметила, что не притрагивалась к кофе... минут пятьдесят?

Не веря собственным глазам, она коснулась браслета. Пятьдесят минут! Казалось, она открыла первую статью всего пять минут назад, но, если верить списку, успела проглотить целых шестьдесят три.

Браслет снова подал сигнал. Шэрон взглянула на него, но будто не заметила. От замешательства голова шла кругом.

Как?..

Головная боль вернулась, резко и беспощадно пронзив переносицу.

После третьего сигнала Шэрон наконец поняла, что звонит Пол.

– Привет, милый, – выдавила она, когда ожил экран браслета.

– *Hola, mi amor*, – промурлыкал Пол, следуя традиции, которую они завели после отпуска в Мексике прошлой зимой. – Я попал в пробку на мосту, но через две минуты буду у «Нейронано». Слушай... – Он всмотрелся в усталое лицо Шэрон на экране, встроенном в приборную панель. – Ты в порядке?

– Да, просто у меня жуткая головная боль. Наверное, переработала. Да еще это совещание совета. – Шэрон попыталась ободряюще улыбнуться, но сама себе не поверила. – Наверняка скоро пройдет.

Могут ли дэнди быть причиной мигрени? Не пора ли признаться Полу?

Она жестом показала, что волноваться не о чем. От правды ему никакой пользы, только лишние тревоги.

– В общем, сейчас я в «Дивертé».

И прежде чем Пол успел одарить ее «тем самым взглядом» и отчитать за то, что она не следит за здоровьем, Шэрон добавила:

– Давай встретимся у входа, хорошо?

– Хорошо, – ответил он, смирившись, что говорить о здоровье бессмысленно. – Тогда до встречи.

Экран браслета погас.

Шэрон убрала планшет в рюкзак, допила остывший капучино и вышла на улицу.

Головная боль снова разыгралась не на шутку, но на такой случай у нее в машине был запас болеутоляющих. Головные боли как в буквальном, так и в метафорическом смысле стали привычной ценой, которую в последние годы приходилось платить за руководство университетской лабораторией. Заметив, как Пол подает сигнал и притормаживает, Шэрон подошла к тротуару.

Если бы он подъехал на несколько секунд раньше или позже или если бы незрелая ДННД-матрица в мозге Шэрон не была так перегружена за последние часы, все могло сложиться иначе. Но жизнь распорядилась по-другому.

Машина почти остановилась у тротуара, и Шэрон шагнула вперед, собираясь открыть пассажирскую дверь. Именно в этот момент только что созревшая ДННД-матрица решила «выключить» мозг-носитель – всего на минуту, – чтобы направить всю доступную вычислительную мощность на интеграцию данных между полупроводниковым субстратом и нервными клетками.

Шэрон замерла на полушаге и будто одеревенела, вытянув руки по швам. Ее глаза закатились. Потеряв равновесие, она упала прямо перед машиной и глухо ударилась головой о бампер. Пол уже всю жал на тормоз. Но момент оказался крайне неудачным: удар по основанию черепа причинил куда больше вреда, чем могло показаться на первый взгляд.

Обмякшее тело Шэрон отскочило от бампера, и она снова ударилась головой – на сей раз о мостовую. Пол выскочил из машины и бросился к ней.

– Милая! Шэрон! – На асфальте уже собиралась лужица крови. – Кто-нибудь, помогите!

Прохожие в ужасе переводили взгляд с истекающей кровью женщины на обезумевшего от тревоги мужчину.

– Не трогайте ее! – велел кто-то. – Я уже вызвал скорую.

Один из тех ухоженных руководителей, которых Шэрон замечала из окна, снял пиджак и накрыл ее, чтобы не замерзла. Он попытался успокоить Пола. Скейтбордист побежал в ближайшую клинику за врачом. Пожилая женщина протянула шарф, чтобы замедлить кровотечение. Вокруг стали собираться любопытные зеваки.

Пол услышал, как кто-то спросил, что случилось. Он оглянулся и безучастно покачал головой. Мысли расплывались – ответить он был не в силах.

Никто из присутствующих и представить не мог, какой катастрофой этот несчастный случай обернулся для ДННД-матрицы, растущей в голове Шэрон. Серия ударов привела к ушибу мозга и повредила мозговые артерии. Потрясенные наночастицы и связывающие их силициновые волокна оторвались от синаптических молекул-якорей. Из поврежденных клеток глии стала просачиваться вирусная РНК.

Освободившись от носителей, миллионы ДННД устремились в кровеносную систему в поисках действующей нейронной сети. Из-за отека тканей возросло внутричерепное давление. Вместе с током крови наноскопические ДННД выбрались за пределы мозга и распространились по телу.

Большинство встретили на своем пути лишь мышцы и внутренние органы и в итоге вновь превратились в инертные наночастицы кремния. Но тысячам удалось пробиться в плаценту, а оттуда – в развивающийся плод.

Малышу было почти пять месяцев, и вскоре он достиг бы момента, когда смог бы выжить вне тела матери. Но для блуждающих ДННД оказалось важнее другое – у плода уже начал формироваться функциональный мозг. Пусть еще примитивный и несогласованный, но его нервная активность стала настоящим оазисом для пострадавших денди. Они прикреплялись везде, где находили активные синапсы, а затем приступали к выполнению заложенной программы и заново строили матрицу.

Так ДННД нашли себе новый дом.

Глава 6

– Хорошо, я признаюсь.

Дарак отодвинулся от столика и встал, чтобы обратиться к распластавшимся на полу людям. На его лице проступили усталость и смирение.

Легко не будет, – осознал он, но продолжил так же спокойно и кротко.

– Пожалуйста, встаньте. В этом нет никакой необходимости. Прошу.

Десяток растерянных лиц обратились к брату Страласи в поисках подсказки. Подняв голову, тот осмелился мельком глянуть на путника и увидел теплую улыбку. Приободрившись, добрый брат встал с пола, остальные по одному последовали его примеру.

– Вот так, гораздо лучше. Давайте все сядем и спокойно позавтракаем, а потом ты отведишь меня в алумиту, – предложил Дарак.

В подтверждение своих слов он продемонстрировал монаху открытые ладони и сел обратно за стол. Затем взял вилку и нож, ободряюще кивнул остальным и принялся доедать олады с фруктами.

Посетители вернулись на свои места, настороженно переглядываясь. Снова слышались приглушенные разговоры и тихое позвякивание столовых приборов.

– Видеть тебя в нашем городе – настоящее благословение, – оживился брат Страласи, снова исполнившись чувством порядка, смысла и защищенности. – Это восторг и честь для всего Народа. Если, конечно, нам позволено говорить о твоём визите?

Дарак взглянул на десяток встревоженных посетителей, доедающих завтрак.

– Полагаю, скрыть его будет непросто.

– Прости за дерзкий вопрос, Владыка, но я не понимаю, почему ты путешествуешь без официальной свиты. Для нас огромная честь, что ты посетил наш скромный аванпост, но мы были бы невероятно рады вознести хвалу твоему Свету в более... торжественной манере.

Брат Страласи с надеждой взглянул на Дарака. Ему недвусмысленно хотелось получить разрешение на большую церемонию.

– Порой истина виднее в неформальной обстановке, – только и ответил Дарак, после чего вернулся к еде.

Спустя десять минут он удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

– Да-а-а, так гораздо лучше.

Дарак позволил брату Страласи вознести Алуму хвалу за благословенную трапезу, и они вышли из ресторана, оставив взбудораженных посетителей и персонал. Весть о том, что в их скромном городе появился осколок, быстро разносилась по Интермату и собрала верующих, которым хотелось взглянуть на него хотя бы мельком. Когда Дарак появился на пороге, изумленные горожане все как один пали ниц.

Неофициальная свита следовала за ними на почтительном расстоянии. Они шествовали по городу, привлекая все больше набожных и любопытных.

– Здесь находятся керафисы администрации, транспорта и основания, – указал брат Страласи, когда они проходили мимо биокерамических зданий вдоль южной дуги Центрального парка.

Вокруг царили зелень и тишина. Покрытые листьями ветви росли прямо из верхушек живых зданий, создавая защитную тень для лужаек и садов на земле. Пока они шли, за ними успела скопиться небольшая толпа. Запоздалые зеваки стекались из домов, офисов и боковых улиц.

– Ты наверняка захочешь посетить лаборатории основания. – Брат Страласи надеялся вывести у Дарака цель его визита.

– Наверняка.

Раздосадованный тактичными, но уклончивыми ответами, брат Страласи повернулся к приятному глазу зрелищу – сияющему белизной пятиэтажному цилиндру с множеством продуманно расположенных окошек.

– Это керафис основания. Самое оживленное место во всем Алумстоне, оплот трудолюбия.

Они с легкостью миновали поток техников, которые прибывали и покидали керафис на левитаторах.

– В течение дня они доставляют камни, почву и живые организмы со всего континента для анализа, после чего возвращаются в дикую природу с новым запасом материалов, которые разработаны для преобразования планеты под стандарт. Мне отраднo даже просто находиться среди них.

Затем Страласи повел Дарак в главный лабораторный комплекс, целиком занимавший второй уровень керафиса. Добрый брат терпеливо ждал, пока путешественник увлеченно наблюдал за происходящим.

Техники в белых халатах уверенно перемещались от подготовительных зон к анализаторам и загружали в них образцы. У приборов не было ни дисплеев, ни видимых органов управления. Один из работников положил в приемный контейнер сломанное устройство и закрыл дверцу, а потом опустился на колени на мягкий табурет перед лабораторным столом и начал молиться.

Дарак закрыл глаза и прислушался к шороху шагов и усердному бормотанию молящихся. Техники не разговаривали друг с другом, лишь изредка обменивались короткими кивками.

Он выглядит печальным или даже измученным, – сам не зная почему подумал брат Страласи.

– Неужели им никогда не надоедает молиться? – спросил Дарак.

– Как это возможно, Владыка, ведь каждое их слово продвигает мир по пути стандартизации и, как предписано, приводит в действие протокол основания.

– Разве им не любопытно, как все устроено?

Страласи оглядел зал, прикидывая, может ли их услышать кто-то из техников. Разумеется, осколок его испытывал. Он отошел на несколько шагов, чтобы было сложнее разобрать приглушенный ответ. Человеку его положения не пристало подвергаться испытанию перед техниками и, хуже того, дать слабину.

– Но ведь мы знаем, как все устроено. Сам Алум отвечает на наши молитвы, обращая местные виды в формы стандартной жизни. Его чудеса недоступны пониманию простых смертных. Его мудрость безгранична, а наша ничтожно мала. Мы молим о Его наставлении, а Он дает нам ответы, ибо Алум – наш Господь, – по памяти произнес Страласи.

– Да, разумеется. Алум – наш Господь, – без особого энтузиазма согласился Дарак. – Нам пора. Не хочу никого отвлекать от работы.

Внизу любопытные и верующие расступились, пропуская их дальше. Дарак и Страласи пересекли Центральный парк, миновали Первую и Вторую школы и наконец остановились перед величественной алумитой.

– Алумита с ее сужающимися концентрическими ярусами, обсаженными кустарником балконами и золотым куполом – самое высокое сооружение во всем парке. Жилые помещения расположены в отдельном здании примерно в двадцати метрах от главного керафиса, – выпалил брат Страласи, будто зачитывая из буклета.

Монах и осколок зашагали по примыкающей дорожке, наслаждаясь ароматами разноцветных клумб. Дарак остановился, чтобы полюбоваться изысканной желтой розой.

– Тебя не беспокоит, что ваша работа бесследно уничтожает местные формы жизни, которые существовали до вашего прибытия?

– Н-нет, Владыка, – озадаченно пробормотал брат Страласи. – Мы распространяем стандартную жизнь по всей вселенной с благословения Алума.

– А ты когда-нибудь задумывался... – Дарак помедлил, подбирая более тактичные слова. – Почему разные формы жизни настолько... разные?

– Об этом надлежит знать лишь Алуму, Владыка, – последовал уверенный, заученный ответ.

Дарак прикинул, как лучше продолжить деликатный разговор.

– Скажи, на скольких планетах тебе довелось побывать основателем за свою карьеру?

– Это седьмая планета, которую мне с благословения Алума поручено наставить на Его Путь.

– И ни на одной из этих планет со множеством жизненных форм ты ни разу не чувствовал вины за то, что лишаешь их шанса на самостоятельное развитие до разумной жизни? Как Йов позволил развиваться Своему Народу на Истоке.

– Но ведь сказано, что разум – это дар, которым Йов наделил Свой Народ.

Дарак лишь хмыкнул.

Брат Страласи почувствовал скрытый упрек.

Что я сказал не так? Почему он не удовлетворен моими словами?

– Я не знаю, какого ответа ждет от меня Владыка.

– Подумай. Разве не Йов создал всю многообразную жизнь во вселенной?

– Так написано в Книге Алума. – Брат Страласи сложил ладони, изобразив знак цельности.

– В таком случае почему Алум стремится заменить жизнь на других планетах стандартной?

Сказать было нечего – любое слово прозвучало бы как богохульство. Сердце доброго брата замерло в груди. Его начала захлестывать паника.

Как ответить? Лучше молчать. Но как промолчать, не оскорбив осколка?

Второй раз за день он пал ниц перед Дараком.

– Владыка, я не знаю ответов на эти вопросы! Неужели ты хочешь, чтобы я осквернил себя богохульством пред ликом осколка Алума? Как можно!

Дарак отозвался по-отцовски безмятежно, словно мягко подводя сына к пониманию:

– Мне просто хотелось узнать, не возникало ли у тебя хоть иногда жалости к жизни, которую приходилось уничтожать.

Во взгляде брата Страласи вспыхнуло осознание. Он склонился еще ниже, хотя это казалось невозможным. Неужели именно за этим осколок прибыл в их мир?

– О, всевидящий и всезнающий осколок Алума, прошу, даруй мне прощение, – взмолился он в муке. – Разве в силах я что-либо от тебя утаить? Я сознаюсь во всем! Да, исполняя обязанности старшего брата на семи основанных планетах, я грешил против Алума. На каждой из планет, которые я помогал основывать, я убедил остальных братьев оставить небольшие оазисы, чтобы уберечь местные формы жизни. Я надеялся и верил, что однажды Алуму может пригодиться даже нестандартная жизнь.

Толпа, соблюдающая небольшую, но почтительную дистанцию, услышала ошеломительное признание доброго брата. Поднялся тревожный гул – смесь шока и недоверия. Одни отступили подальше, опасаясь, что их сочтут причастными; другие, напротив, придвинулись, чтобы не пропустить ни слова разворачивающейся драмы.

– Если ты прибыл за этим, – причитал Страласи, – если за свою гордыню я должен заплатить собственной жизнью, то молю, пусть моя смерть будет быстрой. Но прошу, не наказывай тех добрых людей, которых я убедил мне помочь. Вина лишь на мне одном.

Тело его сотрясали рыдания. Но вдруг он ощутил мягкое прикосновение к плечу.

– Встань, брат Страласи. Сегодня ты не понесешь кары за свои грехи.

И чуть громче, чтобы услышала толпа, Дарак добавил:

– Ты не понесешь кары, потому что я не вижу в твоих поступках ничего дурного.

Брат Страласи неуверенно встал, едва веря, что остался в живых. При взгляде на Дарака его замешательство лишь усилилось. Тот с радостным видом легонько взял его под руку и отвел к ближайшей скамейке.

Они сели, и Дарак вполголоса, но с явным возбуждением продолжил:

– Я надеялся отыскать среди основателей подобного тебе. Человека, в котором есть и набожность, и сострадание. Но я и мечтать не мог, что встречу тебя так скоро после своего возвращения, да еще и в такой близости от Предела. Это просто чудо.

Он рассмеялся и неверяще покачал головой.

Брат Страласи сумел сдержать слезы и даже мрачно спросил:

– Что со мной станет?

– Я хочу, чтобы ты отправился со мной.

– Отправился куда, Владыка?

– На пути к Родному миру мне предстоит посетить немало мест в Царстве Алума. Мне бы пригодился человек с твоим опытом. Если, конечно, ты согласен.

Брат Страласи не мог поверить собственным ушам.

– Меня не казнят?

– Нет, пока ты со мной. – Дарака помрачнел. – Правда, впереди нас ждет немало опасностей.

Брат Страласи не смел и представить, какие опасности могут поджидать осколка Алума. Одна мысль об этом повергала в дрожь.

– Я смиряюсь и глубоко благодарен за то, что Алум простил мое непослушание. Его мудрость и любовь не знают границ!

Лучась радостью, брат Страласи вновь упал к ногам Дарака.

– Алум – моя жизнь! Я буду служить тебе, Владыка, пока ты считаешь меня достойным!

Он схватил правую руку Дарака и под ликующие крики толпы стал осыпать ее поцелуями.

– Довольно, – отрезал Дарак и помог доброму брату подняться на ноги. Тот был тронут, увидев сострадание на его лице. – Думаю, для одного дня с нас достаточно страха и хвалы.

Дарак дал брату Страласи пару секунд, чтобы тот взял себя в руки, а затем предложил:

– Не проводишь меня в апартаменты?

Он приобнял монаха за плечи и сочувственно посмотрел ему в глаза.

– В пути у тебя будет достаточно времени, чтобы себя проявить. А пока, как я понимаю, тебе нужно подыскать кого-нибудь себе на замену. Мы отправляемся завтра.

Глава 7

Пол Ли одиноко сидел в углу зала ожидания скорой помощи и тихо плакал, обхватив голову руками. Из коридора за постом медсестры доносились приглушенные больничные звуки. Время от времени кто-нибудь из ожидающих вставал со своего места, чтобы узнать о состоянии близкого. Входные двери раздвинулись уже в сотый раз за вечер, и Пол даже не заметил, как к нему подошли двое мужчин.

– Мы приехали, как только узнали, – сказал Ник.

– Как она? – спросил Дэвид.

Пол поднял голову при звуке их голосов, резко прозвучавших в тишине зала.

– Не знаю, – едва слышно пробормотал он.

Единственной краской на его землисто-сером лице были опухшие, красные от слез глаза.

– Врачи с тобой уже говорили?

– Недавно подходил кто-то из интернов. Она все еще в операционной.

Они сели по обе стороны от Пола.

– Что произошло?

– Понятия не имею. Она просто упала.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Дэвид. – Потеряла сознание?

– Нет, она... она просто... – Пол попытался подобрать слова. – Я подъезжал к тротуару, чтобы забрать ее после работы. А она просто... рухнула. Будто одеревенела и упала на землю. Прямо перед машиной. Я не успел затормозить. – Он снова начал всхлипывать.

Ник положил руку на плечо Пола и обменялся виноватым взглядом с Дэвидом. Это ускользнуло от внимания хирурга, которая как раз вышла через двойные двери из операционной. Заметив Пола, она сняла шапочку и подошла к ним.

– Мистер Ли? Я доктор Холден.

Мужчины встали. Оглядев Дэвида и Ника, врач переключила внимание на Пола.

– Это... коллеги моей жены... точнее, друзья. Близкие друзья. – Пол представил их слабым взмахом руки. – Дэвид Арнелл и Ник Франти.

– Ясно. Джентльмены, – поприветствовала их врач. – Мистер Ли, у вашей жены тяжелая травма головы. Нам удалось снизить внутричерепное давление, но она до сих пор в критическом состоянии с обширным внутримозговым кровоизлиянием. Ребенок на данный момент стабилен: пульс повышен, но без угрозы для жизни. Вашей жене требуется дополнительная операция, однако у нас есть сомнения, стоит ли ее проводить.

– В каком смысле? Я не понимаю. Почему вы сомневаетесь?

Хирург показала рентгеновский снимок.

– Весь снимок испещрен странными яркими пятнами и размытыми линиями, которые мы не можем объяснить. Вы знаете, что это такое?

Она прошла в другую часть зала, где на стене висел негатоскоп, вставила снимок в зажим и включила лампу.

– Мы никогда не видели ничего подобного. Прежде чем обратиться к вам, мы проверили, исправен ли аппарат, но неполадок не нашли. Мы бы не хотели приступать к операции, пока не разберемся, с чем имеем дело. Сейчас мы проводим дополнительные анализы, но это займет время.

Пол сощурился и несколько секунд рассматривал снимок. Подался вперед, чтобы лучше разглядеть, наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону. А затем, не произнося ни слова, резко выпрямился, обернулся и гневно уставился на Дэвида и Ника. Те обменялись тревожными взглядами.

Пол издал первобытный рык. Его кулаки сжались, и ярость вырвалась наружу в протяжном вопле:

– Ар-р-ргх!

Он бросился к Дэвиду, толкнул его и прижал за горло к стене.

– Какого черта вы сотворили с моей женой?

В ужасе от того, как переменилось поведение Пола, Ник и доктор Холден бросились на помощь. Дэвид пытался выбраться из удушающей хватки.

– Мы ни при чем! Ни при чем!

– Ложь! Это ваших рук дело. Я все вижу, – в гневе выпалил Пол.

– Пол, он говорит правду! – Ник тянул Пола на себя, пока тот пытался выдавить жизнь из его коллеги. – Шэрон сделала это сама!

Пол уставился на ученого, слегка ослабив хватку, но рук не разжал. Шэрон часто говорила, что доверила бы Нику собственную жизнь. Но он и на секунду бы не поверил, что точно так же она относилась к Дэвиду. Ради собственных интересов Дэвид пойдет на что угодно.

– Пол, она умоляла тебе не рассказывать, особенно когда узнала, что беременна! – заступался Ник. – Но Дэвид говорит правду. Она сама сделала себе инъекцию денди. Это целиком ее решение.

Пол опустил руки и плюхнулся в ближайшее кресло.

Доктор Холден жестом остановила подоспевшего охранника.

– Вы в порядке? Я имею в виду вас обоих. Мне позвать охрану?

– Нет, все хорошо, – ответил за них обоих Дэвид. – Доктор, прошу прощения за эту сцену. За нас можете не беспокоиться.

Вид Пола, впрочем, не вызывал особой уверенности. По сигналу врача охранник отошел в сторону, но продолжал внимательно наблюдать. Он уже видел такие тлеющие взгляды. Опыт подсказывал, что мужчина может снова взорваться в любую секунду.

Пол понизил голос до разъяренного шипения:

– Выкладывайте все как есть. Прямо здесь и сейчас. Всю правду, или я клянусь... – Он не договорил, позволив им самим додумать последствия.

Доктор Холден присела.

– Итак, джентльмены, что именно здесь происходит?

Ник сглотнул. Ему не хотелось вот так раскрывать правду. Не здесь. И не таким образом.

С чего же начать?

– Пол, ты знаешь, как Шэрон все больше досадовала из-за FDA, из-за всех этих бюрократических проволочек. Знаешь, что она всегда пылала страстью к работе. Знаешь, какая она – порывистая, рискованная, не терпит препятствий.

Пол подался было вперед, чтобы перебить, но Ник не мог остановиться. Он слишком долго сдерживался.

– Она решила раньше времени начать испытания денди на людях и сама стала первой испытуемой, – выпалил он. – Она втянула меня, а потом и Дэвида в свои планы, потому что ей был нужен кто-то для сбора точных данных о том, что с ней происходит. Поверь, мы не имели отношения к ее решению. Мы ничего не знали, пока она не сделала инъекцию. Это правда.

Пол сидел молча, не в силах поверить, но и не в силах отрицать, что рассказ прекрасно соответствует характеру его жены – смелой женщины и целеустремленного ученого.

Доктор Холден внимательно слушала Ника.

– Я даже не стану притворяться, будто понимаю, о чем идет речь, – заметила она. – Но пациентка серьезно ранена и нуждается в срочном лечении. Что именно представляют собой эти штуки в ее мозге? В смысле, с чем мы имеем дело – с животным, растением, минералом? Мешает ли что-то сделать ей МРТ или лечить обычным способом?

Дэвид уступил слово коллеге.

– Ник, в клинической неврологии ты разбираешься лучше меня.

Ник смерил генерального директора компании свирепым взглядом.

– МРТ ей делали почти каждую неделю, так что с этим проблем быть не должно. Я прямо сейчас сбегая в лабораторию за последними результатами, чтобы вы могли сравнить. Собственно, наше оборудование гораздо чувствительнее, так что можно получить более точные снимки.

Он обдумал логистику.

– Нет, наверное, не получится. Шэрон нельзя перевезти в лабораторию, а томограф слишком большой, сюда его так просто не доставить.

Доктор Холден нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Ник моргнул и опустил взгляд.

– Извините, просто пытаюсь помочь.

– Послушайте, время на вес золота. Эти... денди, так вы их называете? – Она взглянула на Ника, и тот кивнул. – Эти денди как-то взаимодействуют с лекарственными препаратами? Влияют на свертываемость крови или образование гематом? Как они отреагируют на операцию?

– Мы не знаем, – вмешался Дэвид, пока Ник пытался сформулировать внятный ответ.

– Если коротко – мы не знаем.

Никун такое признание наверняка не по душе как с академической, так и с юридической точки зрения, но Дэвиду стало легче, когда он высказал все вслух. Он с вызовом задрал подбородок. Но Ник лишь отвел взгляд.

– Доктор, эта конкретная версия денди представляет собой гибридное наноустройство, – продолжил Дэвид. – По сути это самовоспроизводящаяся полупроводниковая частица в оболочке из белка и РНК. Миллиарды таких частиц соединяются в мозге носителя – в данном случае, Шэрон Ли – в единую нейронную сеть. У нас есть много данных о поведении денди в случае рыб и мышей, но мы почти ничего не знаем о том, как они ведут себя в мозге человека. Мы собрали кое-какую информацию в процессе наблюдения за Шэрон, но на других людях испытания не проводились.

– И раньше денди никогда не сталкивались с подобной травмой, – добавил Ник. – Скорее всего, Шэрон можно лечить как обычного пациента без растущей в мозге матрицы денди.

– Но это лишь догадка, – снова вмешался Дэвид. – Мы будем рады оказать любую помощь и поделиться любой полезной информацией. Не знаю, сможем ли помочь, но это все, что в наших силах.

Доктор Холден перевела взгляд с Дэвида на Ника, а затем на Пола.

– Хорошо. Учитывая тяжелое состояние пациентки и все неизвестные факторы, нам остается лишь действовать с предельной осторожностью. Мистер Ли, вы даете добро на лечение?

Откашлявшись, Пол смог выдать лишь несколько натужных слов:

– Да, приступайте. Пожалуйста.

– Хорошо. Тогда мне пора возвращаться. Две жизни ждут спасения.

Не успев скрыться за дверьми в операционную доктор Холден обернулась:

– Джентльмены, я не стану жаловаться на вашу троицу... во всяком случае, не сейчас. Честно говоря, я до сих пор плохо понимаю, что такое эти денди, кому о них сообщать и что именно. Но если они хоть как-то повлияют на лечение доктора Ли или ребенка, я обзвоню все возможные инстанции и прослежу, чтобы о вашей причастности стало известно властям.

– Понимаю, – промямлил Ник. – Если придумаем что-нибудь полезное, скажем медсестрам.

– Хорошая мысль. – Бросив напоследок презрительный взгляд, доктор Холден скрылась за двойными дверьми.

Ученые!

Глава 8

*Все происходит из ничего.
Хаос есть исток творения.
Все вокруг есть центр.
Все эволюционирует.
Ничто не предопределено.
Нет судьбы.
Нет плана.
Нет абсолютного добра.
Нет абсолютного зла.
Есть только сущее, и ничего кроме.*

Волнующееся море из двухсот тысяч любопытствующих нараспев зачитало вступительное заклинание. В конце раздался общий вздох удовлетворения.

Вздыхнула и принцесса Дарья, но по совершенно другим причинам.

После десятков миллионов лет, отданных служению Алуму и Его Плану, они попросту разучились мыслить самостоятельно. Я удивлюсь, если в этой толпе наберется хотя бы несколько сотен, которые понимают важность только что сказанных слов.

Ее почитатели прибыли в дотошно воссозданных нарядах крестьян, ремесленников и аристократов. За пределами Лирандии они вели суетную всепоглощающую жизнь администраторов, техников и инженеров. А сегодня собрались в основном ради зрелища и ритуала, а не просветления.

Дарья обвела критическим взглядом место, которое выбрала для битвы с драконом, и приняла, как ей казалось, властную и величественную позу.

Элегантный трон в центре пьедестала из черного полированного гранита был изваян в форме величественного золотого феникса и возвышался над ее головой на добрых три метра. Крылья, охваченные пламенем, тянулись ввысь, двадцатисантиметровые рубиновые глаза зорко осматривали просторную площадь. В клюве покоилась синяя жемчужина больше ее головы. Мускулистые лапы, увенчанные парой искусно сработанных когтей из слоновой кости, обрамляли трон, который располагался будто во чреве феникса. Слева высилась четырехметровая серебряная фанфара, готовая возвестить о начале битвы.

Тонкий, будто стеклянный поток воды струился по ступеням и исчезал в декоративной решетке, которая закрывала желоб вокруг пьедестала.

Тяжелая, холодная терраса из полированного мрамора отделяла пьедестал с тронem от остальной площади и собравшейся толпы.

За спиной Дарьи в безоблачное небо возносилась громада роскошного белокаменного дворца. С трех других сторон над грозными стенами из зеленого гранита выглядывали кварцевые башенки. Гранитные стены были украшены нефритовыми коринфскими колоннами в десять метров высотой с открытым парапетом наверху.

Над центром площади пересекалась под прямым углом пара ослепительных бриллиантовых арок в четыре метра шириной. Меньшая арка соединяла низкие стены по бокам. Большая тянулась от ониксовых ворот на дальнем конце площади к вершине массивной крепости. Вся эта конструкция была создана, чтобы приводить в трепет.

За стенами в нескольких метрах надо рвом и лужайкой парил мост из каменных плит, соединяя входные ворота с парковкой в километре с лишним от них.

Дарья воплощала собой классический образ сказочной принцессы династии Хань. Сидя на троне, она с доброжелательной невозмутимостью обозревала толпу. Ее атласные локоны,

черные, как перья ворона, были заплетены в причудливую косу, ниспадающую по стройной спине. Изысканные шелковые одеяния мягко колыхались на ветру.

Лишь знатоки древней истории могли бы недовольно поморщиться при виде абсурдного сочетания принцессы и дворца. Но среди ее народа таких знатоков почти не встречалось, они считались чудаковатыми любителями.

Толпа кажется нетерпеливой... даже азартной. Хорошо, – подумала Дарья.

Риск быть схваченными в интрамире Лирандии добавлял острых ощущений. Все знали, что поимка властями обернется порицанием и принудительной реинтеграцией, но, судя по лицам, можно было подумать, что они пришли на спортивный матч.

Пожалуй, в каком-то смысле это и правда так.

Дарья не разделяла всеобщего восторга. Если ее схватят, то полностью сотрут личность, если вообще будет что стирать после допроса.

Остается лишь надеяться, что мои меры предосторожности помогут выиграть достаточно времени, чтобы закончить и проповедь, и битву до прибытия охранителей.

Принцесса встала и простерла руки, призывая к тишине. Затем подала знак помощникам приступать к церемонии. Те подошли к краям пьедестала и зажгли горелки. Пламя взмыло по прозрачным пятнадцатиметровым трубам шире размаха ее рук. Толпа взревела громче пламени. Представление началось.

Помощники вынесли символы Алумиты – серебряный кубок, красную мантию и деревянный посох. Вскоре им предстояло распасться на атомы в горниле хаоса.

– Символы ложной церкви Алума, вернитесь в хаос, из которого явились! – пропела Дарья.

Толпа замолкла в ожидании.

Помощники сложили святыни на пьедестал в нескольких метрах от принцессы. Дарья сделала пас руками, окружив предметы невидимым барьером, и отступила, когда они вспыхнули. Теплое красное пламя сменилось раскаленной голубой плазмой, и светящийся шар вознесся над пьедесталом.

– Из огня взято, в огонь и возвратится.

Плазменный шар становился все ярче, а потом зашипел, сжался и засиял с яркостью нового солнца.

– А-а-а! – восхищенно отозвалась толпа.

Жар внутри продолжал расти, пока не достиг температуры первых мгновений после Большого взрыва.

– Возвращайтесь в первородную плазму первых секунд бытия, – нараспев провозгласила Дарья.

Шар воссиял светом новорожденной вселенной, наполненный таким количеством энергии, что распались даже протоны и нейтроны. Лишь сдерживающее поле уберегало толпу. Когда свет усилился, они надели защитные очки.

– Явите же хаос, из которого вы сотворены, и сгиньте навеки, – прокричала Дарья.

Жар внезапно рассеялся, и шар наполнила крошечная тьма, символизирующая полное отсутствие света в первобытном хаосе. Черный шар начал сжиматься: сначала медленно, затем все быстрее, пока не исчез полностью.

– Из пустоты взято, в пустоту и возвратится, – произнесли рассеянные среди толпы помощники. Зрители, которые пришли не в первый раз, подпевали.

Принцесса Дарья подала знак к началу следующей фазы. С вершины сверкающих арок опустился черный экран и полностью закрыл солнечный свет. Тьма стала растекаться по изгибам арок, пока не достигла стен площади.

– Позволим же хаосу облечь нас, как облакает он нашу вселенную, – объявила Дарья.

По площади разлилась торжественная музыка. Толпа замерла. Они знали, что будет представление, но большинство плохо понимало, чего ожидать, не считая битвы с драконом.

На внутренней поверхности гигантского планетария, окружающего площадь, появились проекции звезд. По толпе пробежал одобрителный шепоток.

– Насколько нам известно, космос бесконечен, – начала Дарья. – Однако наблюдаемая вселенная составляет лишь девяносто три миллиарда световых лет в поперечнике.

Звезды приблизились и пронеслись мимо зрителей, будто те летели быстрее скорости света на борту громадного космического корабля.

Звезды у края экрана скрылись из вида, а те, что находились ближе к центру, стали расти, пока не стало ясно, что на самом деле это вовсе не звезды, а целые галактики.

Звездное поле вращалось и приближалось, пока галактики скопления Девы не оказались в центре.

– О-о-о, – последовал одобрителный хор.

Камера сосредоточилась на более мелком скоплении и продолжила приближаться, пока в фокусе не оказалась одна из галактик. В порыве гордости толпа зааплодировала, узнав Млечный Путь.

Не дав зрителям проникнуться сентиментальностью, камера устремилась к Стрельцу А* – сверхмассивной черной дыре в центре галактики.

– Наш Млечный Путь – лишь незначительная крупинка среди двух триллионов известных галактик, в каждой из которых насчитываются сотни миллиардов звезд.

Камера наехала на активное газовое облако в восьми световых годах от центра галактики и нацелилась на звезду, вращающуюся близ центра.

Толпа ответила радостными криками, узнав S0-102 – их родную звездную систему, центр воплощения Божественного Плана Алума.

Перепрыгивая от звезды к звезде, камера сместилась к поясу космического мусора и приблизилась к одному астероиду среднего размера. Виртуальный космический корабль неся вперед, и вскоре экран заполнила изрытая кратерами поверхность. Камера пронзила ее и остановилась внутри каменной толщи. Толпа ахнула.

Увеличение нарастало, пока не стали видны вибрирующие молекулы металлических сплавов. Некоторое время корабль петлял между атомами и перекрывающимися электронными облаками, затем выбрал одно из них и нырнул внутрь.

– «Твердое» вещество, из которого состоят наши дома и рабочие места, на деле не такое уж и твердое. Наши ощущения – результат взаимодействия полей, создаваемых электронами, которые заполняют громадные пустоты между атомными ядрами.

Они прошли электронное облако и увидели крошечное ядро. Камера выбрала быстро колеблющийся протон, и перед зрителями открылась еще более чудесная и странная сцена, чем все предыдущие.

При дальнейшем увеличении стали видны не меньшие частицы внутри протона, а цветные туманные облака. Они хаотично сливались, разъединялись и исчезали.

– При максимальном увеличении, – продолжала Дарья, – облака виртуальных частиц рождаются и исчезают быстрее, чем их можно наблюдать. И хотя они не существуют в том смысле, что и обычная материя, именно взаимодействие полей лежит в основе всего известного порядка. Естественные законы природы, которые мы видим во вселенной на всех масштабах, от микромира до галактик, зиждутся на основе хаоса, на самой возможности спонтанного и случайного возникновения сущего из ничего.

– Кажущийся детерминизм, порядок, который мы наблюдаем в материи, есть эмерджентное свойство квантовой пены и ее случайной природы. Порядок рождается из хаоса. Материя и энергия возникают из беспорядочного ничто в соответствии с законами природы.

– Именно эти извечные законы наделяют вселенную присущим ей порядком. Не Бог. Не Йов. Не Алум.

Толпа ахнула. Это же ересь! Под тревожный шепот камера вынырнула из протона. Изображение начало отдаляться: атом, молекулы сплавов, камень, астероид, звезда, центр небольшой галактики и крошечное скопление на просторах наблюдаемой вселенной. Звезды померкли, и черный экран исчез.

Зрители зажмурились, когда площадь вновь залил солнечный свет.

Завершив урок естествознания, Дарья перешла к вдохновляющей части выступления.

– Народ Лирандии, сегодня я стою перед вами не только ради того, чтобы говорить о чудесах естественной вселенной, но и чтобы объяснить: служение вашему Господу, Живому Богу, Алуму – вовсе не единственный предначертанный путь. Вы можете сбросить оковы и перестать быть рабами его Плана, и путь к этой свободе лежит через поиск истины, поиск знаний, превосходящих даже Его магическую силу.

– В древние времена, за десятки миллионов лет до того, как человечество начало расселяться по вселенной, путь к истине уже существовал. И он не утрачен до сих пор.

– Мы научились использовать естественные законы, управлять материей, энергией и информацией, но до сих пор почти ничего не знаем о природе самих законов. Что они такое? Откуда берутся? Почему устроены именно так, а не иначе?

– Миллионы лет мы прилежно практиковали ремесла, открытые нашими предками. Мы передали эти знания нашим потомкам, чтобы они продолжали служить Алуму.

– Увы, за все это время мы почти ничего не прибавили к знаниям предков. Мы превратились в обслуживающий персонал – бездумных исполнителей на службе старых технологий – и перестали быть первооткрывателями.

– Неужели мы забыли, что значит любознательность? Забыли радость новых открытий? Неужели познали все, что, по нашему мнению, стоит знать? Или мы так увязли в развлечениях интрамиров и так довольны своим положением при Алуме, что больше не ищем понимания?

– Разве достаточно чувствовать себя богами в симуляциях? Мы делаем реальную работу в реальной вселенной. Но наши самые смелые идеи, наша творческая энергия, наши самые возвышенные устремления и мечты заперты внутри воображаемых миров.

– Народ Лирандии, реальная вселенная бесконечна в своем разнообразии. И именно мы должны быть первооткрывателями ее чудес. Алум не вправе ограничивать и подгонять их под Свое представление о совершенстве.

– Нас учили, что Йов сотворил Народ, а Народ создал наших предков по своему образу и подобию. Но в какие бы уголки вселенной мы ни заглядывали и какую бы работу ни выполняли во имя Алума, везде находили жизнь в ее безграничном многообразии. Мы встречали разумных инопланетян в далеких галактиках. Большинство теперь подчинены Плану Алума. Других, к нашему вечному стыду, мы помогли истребить.

– Очевидно, что у вселенной есть собственный путь, и эволюция в ней развивается по своим законам. Но этот путь идет вразрез с Планом Алума.

– Мы рождены из хаоса. Только что вы видели собственными глазами, что случайность и недетерминированность до сих пор лежат в основе всей материи и энергии во вселенной. План Алума, призванный избавить вселенную от опасностей, наполнить ее безмятежностью и предсказуемостью, противоречит самой природе, оскорбляет законы мироздания.

– Есть ли среди нас те, кто понимает, что Церковь Алума – Алумита – подменила знания верой? Что она подавляет в нас самое сокровенное – стремление к познанию нового? Есть ли те, кто готов примкнуть ко мне и заняться собственным поиском знаний, истины и свободы? Те, кто осмелится бросить вызов Плану Алума?

Когда никто не вышел, Дарья почувствовала разочарование, но почти не удивилась. Они собирались ради зрелищной битвы, а не вербовки под предлогом философских идеалов.

– Никто?

Толпа зашевелилась. Несколько человек начали проталкиваться вперед.

– Я с вами, – крикнул один, затем другой.

Стражники принцессы Дарьи пропустили людей к пьедесталу, где она поприветствовала их и передала на попечение помощников. Когда стало ясно, что больше никто не выйдет, она воздела руки, вновь привлекая к себе внимание.

– Все мы боимся навлечь на себя гнев Алума за одну только мысль о подобной ереси. Да, даже я. – Ее признание разнеслось по всей площади. – Нет сомнений, Алум силен. Но далеко не всемогущ. Я уже одержала победу над четырьмя Его драконами, поставленными на стражу Лирандии. Я совершила это, чтобы показать: свободы не добиться одними лишь знаниями. Если мы хотим избавиться от оков, нужны храбрость, сила и смекалка. Во имя знания и отваги, во имя надежды на освобождение от веры я вызываю на бой еще одного дракона Алума!

Толпа взорвалась криками. За этим сюда и пришли. Несмотря на отвращение к подобным зрелищам, Дарья понимала: нет лучшего способа привлечь новых последователей.

Глава 9

Когда доктор Холден, едва переставляя ноги, вернулась к трем мужчинам в зале ожидания, время близилось к десяти часам вечера. У нее не было ни малейшего желания терпеть их выходки. Мужчины медленно поднялись на ноги, Пол стоял посередине.

– Мистер Ли, мне очень жаль.

Пол рухнул в кресло.

– Нет, не может быть.

– У вашей жены полностью прекратилась мозговая активность. Дышать она может только с аппаратом искусственной вентиляции. Травма головы вызвала обширное кровоотечение и отек мозга. Мы не смогли ее спасти.

Она глубоко вздохнула перед тем, как продолжить.

– Сердце и другие внутренние органы функционируют, но жизнь в ней поддерживает только аппарат. Мы не сдаемся ради ребенка, но по закону не вправе решать, следует ли отключать ее от аппарата.

– Что значит «по закону»?

– Больничные правила запрещают отказывать в лечении беременной женщине, но, согласно закону штата, мы обязаны получить ваше согласие на поддержание биологических функций матери ради спасения плода.

Резкие юридические формулировки были сродни удару под дых.

Значит, вот к чему все свелось? К разногласиям между врачами и юристами?

Ведь речь идет о его жене!

Эта мысль попросту не укладывалась в голове. Пол не мог осознать происходящее и даже не хотел пытаться. Подобное решение просто за гранью возможного.

Шэрон всегда выступала категорически против чрезмерного медицинского вмешательства. Как и он сам. Воспоминание было удивительно четким, будто все произошло на прошлой неделе. Одним ленивым субботним утром они валялись в смятой, залитой солнцем постели и дали обещание: если когда-нибудь случится что-то подобное, они позволят друг другу уйти с миром.

Сложно представить, что именно так все и кончилось. Душа Шэрон покинула тело, в этом они оба не сомневались. Однако осложнение с ребенком никогда не обсуждалось. Как ему сдержать слово? Если он даст ей умереть, как они оба хотели и считали правильным, ребенок тоже погибнет. Шэрон не была прихожанкой церкви, не придерживалась никакой организованной религии.

В неоднозначных ситуациях, требующих четкого ответа, от его собственной веры почти не было толка. Жизнь, полная проповедей и служения церкви, не подготовила его к такой дилемме. Если он отпустит Шэрон, как она велела, будет ли это считаться абортom? Разве бездействие, которое приведет к смерти ребенка – их мальчика, напомнил он себе, – меньший грех, чем вырезать плод собственными руками? С точки зрения церкви, аборт столь же омерзителен, как и искусственное продление жизни. Какое решение принять? Правильного ответа попросту нет.

Что хуже, из-за слов врача ребенок, которого вынашивала Шэрон, теперь воспринимался как развивающийся плод, шансы на выживание которого целиком зависели от бездушного тела матери. Это звучало так... по-медицински, будто речь шла о каком-то... паразите.

Если плод каким-то чудом сумеет выжить, нет гарантий, что у него не будет тяжелых пожизненных осложнений.

Кто знает, как ДННД повлияли на Шэрон и на развитие ребенка?

Этот эксперимент не входил в Божий замысел.

Может, несчастный случай – это судьба, а может – Божья воля и плоду не суждено выжить.

Если он даст разрешение на искусственную вентиляцию, как быть с Шэрон? Врачи уверяют, что она не будет чувствовать боли, но откуда им знать наверняка? Что, если они ошибаются? Мысль о том, что они могут причинить Шэрон еще больше страданий, была просто невыносимой.

И что с ее душой?

Да, она не верила в организованную религию, но это еще не означает, что у нее нет души. Не скитается ли она в темном лимбе, одинокая и напуганная? Как Шэрон упокоиться с миром, пока бьется ее сердце? Как оправдать мучения, которым он, пусть и ненадолго, подвергнет ее вечную душу, заставляя тело жить дальше?

– Доктор, сколько еще времени потребуется плоду... ребенку?

– Мы можем уже сейчас провести кесарево сечение, но при сроке в двадцать три недели и с учетом травмы шансы на выживание – в лучшем случае процентов тридцать. Если удастся продержат вашу жену на аппарате еще четыре–восемь недель, у ребенка будет больше времени, чтобы восстановиться и продолжить развитие. Скорее всего, он все равно родится недоношенным, но каждая неделя значительно повышает его шансы.

– И насколько?

– Я не специалист, но, по мнению моего коллеги доктора Эндрюса, после двадцати семи недель шансы вырастут примерно до девяноста процентов. Возможно, оценка слишком грубая. Мы понятия не имеем, как эти денди влияют на ход беременности. – Она глянула на Дэвида и Ника.

– Шэрон хотела бы сделать для малыша все возможное, – сказал Пол.

С трудом верилось, что они действительно обсуждают эти вопросы, что он всерьез подумывает пойти против воли жены и что ее уже никогда не будет рядом. Пол просто не мог представить жизни без Шэрон. Появление ребенка, их ребенка, без матери оказалось слишком тяжелым эмоциональным грузом. Он будто оцепенел, хотелось раствориться в пустоте.

Но затем он вдруг понял, что доктор Холден продолжает говорить, и вернулся к реальности.

– ...связанные с этим риски.

– Простите, о каких рисках идет речь? – Пол был на грани истерики. – Она ведь умерла?

– Я имела в виду ребенка.

– Ну да, разумеется. – Он пристыженно опустил взгляд.

– Все в порядке, – попыталась утешить врач. – Без крайней необходимости я бы не стала заводить этот разговор сразу после... в общем, сейчас.

– Нет, прошу, продолжайте. – Пол сделал глубокий вдох. – Я справлюсь.

– Хорошо. Вскоре после смерти мозга прекращают работу и остальные органы. Мы можем поддерживать дыхание вашей жены при помощи искусственной вентиляции, но если у нее начнут отказывать органы, придется делать кесарево сечение. Мы будем внимательно следить за состоянием ребенка и при первых признаках опасности немедленно его извлечем.

– А что насчет рисков?

– Ваша жена отличалась хорошим здоровьем, и плод, судя по всему, развивается без отклонений, но... – Доктор Холден умолкла и сжала губы в почти невидимую линию.

– Но что?

– Как я уже сказала, мы плохо представляем, как эти денди влияют на мать или ребенка. Они могли распространиться по телу и затронуть внутренние органы матери или плод, возможно, обоих, а мы не успеем вовремя это обнаружить.

Дэвид вмешался, пока никто не начал строить догадки:

– Для этого не было никаких предпосылок.

Доктор Холден смерила его холодным взглядом.

– Но ведь и ничего подобного денди раньше не было?

Дэвид пристыженно промолчал.

Доктор Холден повернулась к Полу, и ее лицо смягчилось.

– В общем, я лишь хотела сказать, что есть масса неизвестных. Если форсировать роды сегодня, шансы на выживание ребенка крайне малы, но через пару месяцев заметно возрастут. Учитывая все осложнения, нельзя точно сказать, разумно ли продолжать беременность.

Пол сгорбился под тяжестью происходящего. Он понимал, что ситуация требовала решения, но не чувствовал в себе сил взглянуть проблеме в лицо. Его жена уже не вернется к жизни. Но, возможно, у ребенка есть шанс. Что более рискованно: делать кесарево сейчас или подождать пару месяцев? Что, если денди навредят здоровью малыша?

– Ник, мне нужна твоя помощь. Я не знаю, что делать. – Он старался держать себя в руках, ведь ребенку нужен отец.

Ребенок. На прошлой неделе мы только начали обсуждать имена. Мне нравилось имя Фредерик, в честь ее отца. Но у Шэрон было свое мнение на этот счет.

На минувшей неделе она выбежала из дома с ключами в руке и крикнула ему с порога: «Как насчет Дариана? Мне всегда нравилось это имя». Не дождавшись ответа, послала ему воздушный поцелуй и отправилась на пробежку.

Ник наблюдал за внутренней борьбой Пола и сочувствовал ему от всей души.

– Пол, – начал он, не зная, что лучше сказать. – О Шэрон я знаю две вещи. Она была ученым и невероятно храброй женщиной. И я верю, что за роль матери она взялась бы так же смело, как бралась за все в жизни.

Пол сморгнул слезы.

– Думаю, она бы сказала: мы знаем, что рожать сегодня крайне рискованно, у ребенка мало шансов выжить. О завтрашнем дне мы знаем лишь одно – он внушает нам страх. Неизвестно, действительно ли денди угрожают здоровью ребенка, но Шэрон верила в то, что делает.

На пару секунд он встретился взглядом с доктором Холден и, приободрившись, снова обратился к Полу.

– Шэрон сказала бы: не бойся, иди до конца. Продолжай беременность.

Пол громко всхлипнул, спрятав лицо в ладонях. Вся его концентрация уходила на то, чтобы просто дышать.

– Спасибо, Ник, – выдавил он.

– Доктор Холден, мы должны поступить так, как хотела бы Шэрон. Давайте обеспечим нашему мальчику... Дариану... все, что потребуется. Продолжайте беременность.

Шэрон, мне так жаль. Надеюсь, тебе хотелось бы именно этого.

Пол больше не мог сдерживаться. Он повернулся к Нику и обнял друга, который вместе с ним скорбел по Шэрон.

Дэвид взглянул на двери в операционную и сморгнул слезы.

– Потребуется оформить кое-какие документы, – сказала врач Полу. – Как только мы стабилизируем состояние вашей жены, то переместим ее в отдельную палату. И вы сможете ее навещать.

Она повернулась к двум ученым.

– Завтра к полудню мне нужен детальный отчет. Я хочу разобраться, с чем мы имеем дело.

Они кивнули, не смея ничего сказать вслух.

Глава 10

Принцесса Дарья обнажила меч и подняла его над головой. Солнечный свет отразился от алмантинового клинка.

Ни к чему тянуть время.

Она набрала в грудь воздуха и крикнула:

– Призывайте дракона!

Глашатай вышел вперед и выдал серию оглушительных нот, имитирующих код, которым охранители пользовались для вызова драконов.

Дарье хотелось верить, что ее смекалка, навыки, знания и воля к победе помогут справиться с любым из интрамировых драконов Алума, но не питала иллюзий. Всегда есть риск проиграть. Драконы опасны и непредсказуемы.

В паре сотен метров над пьедесталом появилось десятиметровое чудовище из хромированного титана. Толпа взревела.

Дракон поражал красотой. Блестящая чешуя ослепляла и завораживала. Спереди крылья сужались до тончайших лезвий и заканчивались смертоносными крючками. И как будто этого было мало, алмазные зубы и когти были готовы разорвать в клочки все, что встретится на пути.

Но по-настоящему грозным противником дракона делало то, что не увидишь простым взглядом. Своим синим электромагнитным лучом он мог разрушить интрамировое тело. А пока ты мучился от боли, программа слежения отыскивала в экстрамире твою реальность, взламывала защиту и обездвигивала до прибытия охранителей.

Дарья издала леденящий душу боевой клич и взмыла в воздух навстречу противнику. По краям клинка вспыхнуло фиолетовое пламя.

Заметив несущийся к нему фиолетовый отблеск, дракон взревел и, сложив смертоносные крылья, спикировал вниз.

Дарья едва уклонилась от огненной струи и нацелилась на брюхо, стараясь не нарваться на вытянутые вперед когти. Промчавшись мимо, она оставила в металлической плоти метровый разрез.

Дракон пронзительно вскрикнул и уклонился в сторону. Его кожа уже восстанавливалась, залечивая рану. Он завис в паре сотен метров под Дарьей и развернулся, чтобы получше рассмотреть ужалившее его насекомое.

Дарья почувствовала, как телескопические линзы за черными глазами внимательно изучают ее, прогоняя алгоритмы распознавания лиц и пытаясь предсказать поведение аватара. Это нервировало, но она тщательно позаботилась о том, чтобы ее облик был уникальным для Лирандии и никоим образом не выдавал ее реальность в экстрамире.

Раздосадованный безрезультатным сканированием, дракон расправил крылья и взревел, а затем выстрелил синим электромагнитным лучом и понесся прямо на принцессу.

Дарья ринулась по нисходящей траектории, ограниченной воображаемым десятиметровым цилиндром. Так она с вероятностью 99,9% избежит пламени и когтей и, возможно, даже сумеет вплотную приблизиться к уязвимой шее противника.

За пятьдесят метров до смертельного удара немного в стороне появился второй дракон и рванул прямо к ней, обдав пламенем всю ее траекторию. Синие всполохи перекрывали путь и спереди, и сзади.

Пока второй дракон отвлекал внимание, первый выпустил еще одну струю пламени. Дарья сумела увернуться благодаря навыкам и удаче. Появление второго дракона усложнило расчеты и сократило доступные варианты. Выйдя из пике, она лихорадочно пересчитала возможные сценарии, чтобы убить или хотя бы серьезно ранить одного из преследователей.

И каковы теперь шансы на успех, если не рисковать собой? Меньше десяти процентов. Не ахти. Пора отступить.

Дарья наметила оптимальную траекторию побега и отклонилась от прежнего курса. Оба дракона развернулись и полетели следом.

Она петляла и пикировала, то набирая высоту, то ныряя вниз. Снова и снова уклонялась от металлических чудовищ и их смертоносного синего пламени. Пролетела над гранитной стеной, отчаянно лавируя между башнями и колоннами. Драконы не отставали.

Используя свою колоссальную силу в интрамире, принцесса отрывала от стены и швыряла навстречу драконам громадные гранитные глыбы. Что бы она ни пробовала, получить преимущество перед преследователями никак не удавалось. Те неустанно гнались за ней по пятам. Их крылья насквозь прорезали нефритовые колонны и кварцевые башни, будто те были сделаны из дыма, а когти крошили гранит на мелкие кусочки.

Впервые за миллионы лет Дарья испытала настоящий страх. Каждый отчаянный маневр все больше истощал ее силы. Стало ясно: для победы не хватит одной лишь интрамировой магии. Драконы были слишком сильными, слишком быстрыми и сокращали дистанцию с каждым рывком. Ей требовалась помощь извне.

Принцесса Дарья обратилась к своей реаличности и активировала кварк-спиновую матрицу – один из своих самых потаенных секретов. Пользоваться ей из Лирандии было крайне рискованно.

По правилам и изначальной задумке посетители интрамиров должны были запускать свои аватары на местном оборудовании. Поддерживать связь с реаличностью запрещалось, так как это нарушало запрет на клонирование кибридов. Да и в целом считалось невозможным.

Пусть добавят это к длинному списку моих преступлений.

Дарья уже пользовалась кварк-спиновой матрицей, чтобы взломать код Лирандии и наделить себя особой силой. Но то было в спокойной обстановке, и она идеально замела следы. В этот раз все иначе. Охранители немедленно возьмутся за расследование. Возможно, за ней даже отправят осколка. Ей уже давно удавалось скрывать от остальных свою настоящую вычислительную мощь, но теперь требовалось оружие посерьезнее и как можно скорее.

Дарья поручила кварк-спиновой матрице с ее непревзойденными вычислительными возможностями разработать вирус, способный пробиться сквозь базовое программное обеспечение Лирандии и дракона. План оставлял желать лучшего. Использование матрицы требовало колоссальных затрат энергии. Резервы ее тела заметно иссякнут, как раз когда будут нужны больше всего. А ведь драконы наверняка только первая из ее проблем. Однако за считанные секунды до смерти другого выхода она просто не видела. Придется рискнуть.

Ее матрица завершила разработку вируса и отправила его драконам: меч осветил их широким конусом блеклого света.

Ну же! Ну же!

На протяжении мучительных трех десятых секунды внутренний код чудовищ боролся с вирусом, но в итоге сдался под его натиском. Драконы прекратили погоню и, бросившись друг на друга, принялись раздирать титановую броню зубами и когтями в попытке добраться до главного нейронного центра противника. Сцепившись в смертельной хватке, они камнем рухнули вниз.

Ослабев от битвы и последствий использования незаконной матрицы, Дарья вернулась к пьедесталу.

Я просто хочу закончить это представление и как можно скорее выбраться из Лирандии.

Она облетела замок и направилась к трону. Но вместо триумфальных возгласов ее встретили громкие взрывы, массовая паника и испуганные крики.

Что за?..

Охранители отреагировали быстрее, чем ожидалось – быстрее, чем она вообще видела раньше. Батальон интрамировых солдат прорвался через ониксовые ворота и врезался в толпу.

На тех, кто не успел сбежать от трехметровых сфер-охранителей, накладывали виртуальные путы. Жертвы застывали на месте и уже не могли покинуть площадь, чтобы скрыться в окружающих горах. Они останутся запертыми в интрамире на милость Алума.

С Лирандией покончено. Больше не будет ни ритуалов, ни зрелищ, ни проповедей, ни новых рекрутов.

По крайней мере, часть спасется, следуя действующим инструкциям. Помощники и те, кому сегодня хватило храбрости примкнуть к движению, должны были покинуть интрамир еще до начала битвы.

Дарья окинула взглядом пьедестал и толпу в поисках знакомых лиц. Тем, кого она уже убедила встать вместе с ней на путь знания и истины, не было нужды оставаться на представление.

При условии, что они следовали инструкциям.

Дарья взяла курс на главный аварийный выход в центральной крепости. Чтобы сохранить оставшиеся крупницы силы, она приземлилась у основания башни и продолжила путь пешком.

На улицах толпились люди. Охранители хорошо скоординировали атаку и разместили солдат не только у главного выхода на другом конце площади, но и у малых ворот.

Люди лихорадочно метались от ворот к воротам в поисках свободного выхода. Осознавая тщетность этих попыток, они углублялись в замок в надежде отыскать укрытие или другие пути к отступлению.

Дарья жалась к стене, чтобы ее не увлекло людским потоком. Когда толпа поредела, она стала пробираться к садам в задней части крепости.

Принцесса осторожно огляделась вокруг. Сердце разрывалось при виде затоптанных декоративных клумб с любимыми цветами и фруктовых деревьев. Фигуры в красных мантиях – интрамировые солдаты, помогающие охранителям, – взяли крепость в кольцо метровой толщины, отрезав путь к приватному выходу в экстрамир.

Дарья обессиленно присела за кустом у угла конюшни, оценивая варианты, и не заметила, как из двери за спиной показалась чья-то рука, пока ее не втащили внутрь.

Глава 11

В начале августа команда врачей наконец выбрала день, когда Дариану Ли предстояло появиться на свет. Роды должны были состояться на десять недель раньше срока, но у него хотя бы был шанс побороться за выживание.

Несмотря на современное оборудование, организму Шэрон приходилось нелегко. С каждой неделей врачи шли на все более отчаянные меры, чтобы продлить ей жизнь.

День, который мог стать поводом для радости, теперь навевал смешанные чувства. Рождение Дариана означало конец для энергичной женщины, вынашивавшей его последние семь месяцев.

В долгие мучительные недели, пока приборы поддерживали работу органов Шэрон, Дариан радовал персонал больницы, продолжая послушно развиваться. Никто не знал, что несколько тысяч денди сумели пробиться к его мозгу, где продолжили воспроизводиться и создавать новые силиценовые связи. Без огромных доз специальных добавок, которые принимала Шэрон, рост нейронной матрицы происходил крайне медленно. Но не прекращался ни на секунду.

Денди умело использовали все ресурсы, которые могли извлечь из организма Шэрон, а также пренатальных добавок и стероидов, которые ей вводили медсестры.

Они множились тихо и незаметно, не проявляясь на обычном УЗИ. Редкие пятнышки можно было заметить разве что на четком КТ-снимке. Достигнув нужного количества, денди закрепились на нескольких тысячах нейронов. И продолжили воспроизводиться.

Первые четыре дня после несчастного случая Пол не отходил от жены. Она лежала в персональной палате, не приходя в сознание. Он докучал врачам, упрямо настаивая на каждодневных неврологических обследованиях, ЭЭГ и анализах мозгового кровообращения.

В тревожных снах ему виделось, как загадочные денди творят чудеса исцеления. Но каждый раз, просыпаясь, он узнавал от врачей, что ничего подобного не случилось. Наконец ему пришлось смириться с тем, что Шэрон больше нет.

Скрепя сердце он прислушался к совету доктора Холден и стал приходить реже: сначала на несколько часов в день, затем – раз в несколько дней. Ему нужно было заняться собой, организовать похороны и подготовиться к рождению ребенка. Персонал больницы пообещал сообщать обо всех изменениях в состоянии Шэрон и Дариана.

Следующие несколько недель Пол бессмысленно слонялся по дому, не в силах взяться за насущные дела.

Последний искусственный вдох Шэрон и первый вдох Дариана неумолимо приближались, и с этим ничего не поделать.

Пол был только рад, когда его властная старшая сестра вдруг приехала из Сиэтла, чтобы привести его жизнь в порядок.

Скиззиц – так он прозвал ее в четыре года – не ждала указаний и не обращала внимания ни на его сомнения, ни на его вкусы. Она буквально затаскала его по магазинам: купила кровать, пеленальный столик, стульчик, автокресло и мягкое кресло-качалку. В вихре дел она, словно Мэри Поппинс, обзавелась пеленками, пижамками, подгузниками и бутылочками. Покрасила стены в детской и расставила мебель. Провела собеседования и наняла няню.

– При твоей работе времени на уход за ребенком просто не будет, – объяснила она.

Она же взяла на себя организацию похорон невестки.

Пол был благодарен сестре за помощь, но временами за это же ее и ненавидел. В глубине души он понимал, что раздражает его не сестра, а сама ситуация. Как можно радоваться ребенку, пока его жена лежит в больнице – мертвая, пусть и «юридически» живая? Ему хотелось любить сына, хотелось испытывать восторг, представляя приближающиеся роды, но Пол

не мог отделаться от мысли, что после этого они останутся в одиночестве, а аппарат и растущий плод мешают Шэрону упокоиться с миром.

Правда же заключалась в том, что обрести покой и начать исцеляться он мог лишь после смерти Шэрона, но пока не был готов это признать.

Приготовления к родам он отдал на откуп Скиззиц, в нем самом не осталось ни капли энергии. Он просто выполнял необходимые действия, чтобы не провоцировать ссоры.

Пол вернулся на работу и стоически взвалил на себя и искренние соболезнования, и перешептывания, которые резко прекращались при его появлении. Каким-то чудом удавалось прорваться сквозь ежедневные совещания и отчеты. Казалось, жизнь кончена, но пока живо тело Шэрона, облегчения ему не видать. Лимб – место не из приятных.

В назначенную дату рождения/смерти Пол тайком отправился в больницу, не сказав сестре ни слова. Все утро он сжимал безвольную руку Шэрона, сетуя на то, как несправедливо, что она никогда не увидит сына и не узнает радости материнства, как отчаянно ему не хватает ее и как страшно оставаться одному.

Он понимал, что должен радоваться будущему здоровому сыну, но вместо этого каждый раз при мысли о родах в нем поднимался гнев.

Я знаю, мой гнев неуместен и несправедлив, но ничего не могу с собой поделать.

Никто не знал, почему упала Шэрона, но в этом не было вины ребенка. Однако при виде ее растущего живота в нем пробуждалось непонятное, глубокое неприятие. Пол не мог отделаться от отвращения – его любимая жена превратилась в инкубатор. Этот образ преследовал его. Момент, когда Шэрона наконец позволят воссоединиться с Творцом на Небесах, станет настоящим облегчением.

Когда врачи пришли сообщить, что готовы к родам, Пол на мгновение застыл, сжимая руку Шэрона. Он не мог заставить себя остаться, чтобы встретить сына и одновременно проститься с любимой. Остатки сил он вложил в один протяжный глубокий вдох и кивнул врачам. В последний раз нежно сжал руку жены, а затем отпустил ее и покинул больницу.

14 августа 2026 года в 15:20 Дариана Ли извлекли на свет посредством кесарева сечения. После стандартного осмотра его бережно, но без лишних церемоний поместили в отделение интенсивной терапии для новорожденных. Он был маленьким, но выглядел вполне здоровым и нормальным.

После рождения сына Шэрона отключили от системы жизнеобеспечения, и она обрела вечный покой. Ее вторая и окончательная смерть наступила с последним ударом сердца в 15:52.

Тем же вечером за ужином Пол рассказал сестре о рождении ребенка и своем решении отключить Шэрона от аппарата.

Скиззиц, собравшаяся поперчить картофельное пюре, в молчаливом недоумении вытаращилась на брата. Как ни старалась, она не могла постичь, зачем он скрывал рождение своего сына и ее единственного племянника. В редкий момент сдержанности она не стала ни расспрашивать, ни упрекать, а просто устала в тарелку.

Наутро она поехала в больницу и с тех пор навещала племянника каждый день. Она говорила с ним о матери, об отце и о замечательной жизни, которая ждет его в будущем. Через неделю, во время седьмого визита, ее впервые сопровождал отец новорожденного.

Доктор Холден обрадовалась, увидев, что Пол наконец решил навестить сына.

– У меня для вас хорошие новости. На рентгене и томограмме нет ни намека на те светлые пятна, денди, которые были в мозге его матери. Нельзя сказать наверняка, что их нет совсем, но пока мы их не видим. Я бы хотела побеседовать с вами и коллегами Шэрона. Сможете устроить встречу?

Панихида по Шэрону состоялась днем позже. Через неделю Пол вернулся в больницу, притащив с собой Дэвида и Ника. Они втроем вошли в кабинет доктора Холден.

Та закрыла за ними дверь.

– Джентльмены, хочу чтобы вы поняли: ситуация еще далека от разрешения. Ближайшие два года мальчика нужно обследовать каждые несколько месяцев и следить, чтобы на снимках все было чисто. Как врач, я настоятельно рекомендую правлению «Нейронано» нанять независимого медицинского консультанта для продолжения тестов и помощи в освидетельствовании будущих испытуемых. Я еще не решила, сообщать ли обо всем FDA или медсовету. Нужно об этом подумать.

Доктор Холден внимательно наблюдала за их реакцией.

Посмотрим, как они поступят. Они прекрасно понимают, что должны были немедленно сообщить о нарушении этики доктором Ли, но промолчали. Пусть немного понервничают. Так им и надо. Кто знает, что еще они попытаются скрыть, если будут знать, что за ними никто не присматривает. Для таких исследований административные органы вроде FDA и правления «Нейронано» слишком далеки от практики. Нужен беспристрастный наблюдатель, инсайдер, который не побоится поднять тревогу.

Дэвид и Ник так обрадовались, что доктор Холден пока не подала, а возможно, и не подаст никаких жалоб, что созвали экстренное совещание совета «Нейронано», единогласно приняли ее «идею» нанять внешнего консультанта и тут же предложили эту должность ей. Доктор Холден согласилась.

Может, у меня получится привить им профессиональную этику, – подумала она. – Надежда умирает последней.

Глава 12

Отрывок из рекламной брошюры «Нейронано»: «На связи с целым миром», ноябрь 2030 года.

«Благодаря SafeLink© – полной нейроматричной системе безопасности от «Нейронано» ваше восприятие Интернета поднимется на новый уровень. Мы обеспечим надежное подключение ко всем органам чувств. Уже через шесть-восемь месяцев после инъекции вы будете готовы к прямому нейросетевому соединению. Звоните и отвечайте на звонки, слушайте стриминговую музыку и смотрите видео при помощи DirectVR©. Получите дистанционный доступ ко всем вашим устройствам через DirectLink©. А главное, наслаждайтесь FullDef©-фильмами с полным сенсорным погружением, будто все происходит с вами наяву. «Нейронано» – для бизнеса, для удовольствия, для жизни.

Технический обзор

Как описано в «Революции нейронанотехнологий» (технический обзор «Нейронано» за июль 2030 года), с помощью небольшой безболезненной инъекции в ваш кровоток вводятся гибридные наночастицы на основе полупроводников и РНК. Мы называем их динамическими нейронными нанодоменами. Вам они, вероятно, известны под названием «денди».

Каждая частица оснащена вычислительными и коммуникационными модулями и имеет элементарную голографическую память. РНК-оболочка обеспечивает безопасное кодирование белковых комплексов, отвечающих за восстановление, рост, репликацию и другие процессы, связанные с растущей матрицей. Вместе с естественным током крови наночастицы попадают в мозг. Слой эндотелиальных клеток, образующих гематоэнцефалический барьер, распознает особые последовательности пептидов на внешней поверхности ДННД и обеспечивает активный перенос частиц в нервную ткань, одновременно освобождая от защитной оболочки.

После того как частицы пересекают гематоэнцефалический барьер и оказываются среди активных нейронов, их РНК отделяются от полупроводников, проникают в ближайшие клетки глии и с помощью их молекулярных механизмов запускают синтез вспомогательных белков, необходимых для построения полноценной нейронной матрицы.

Отделение РНК-оболочки обнажает молекулы, которые распознают синаптические рецепторы нейротрансмиттеров и обеспечивают прикрепление полупроводниковых нанодоменов. Новообразованные белковые комплексы начинают наращивать общее количество полупроводниковых наночастиц, используя существующие в качестве образца для репликации.

Другие белки запускают полимеризацию связующих силициновых волокон на основе веществ, полученных из специальных пищевых добавок. Волокна «нащупывают» путь вдоль аксонов и объединяют полупроводниковые частицы в высокоскоростную сеть, которая существует параллельно биологической и дополняет ее. Интерфейс между матрицей и Интернетом обеспечивается компактным головным обручем или шапочкой, которые представляют собой индукционный ближнеполевой приемопередатчик, работающий от внешнего аккумулятора.

«Нейронано» – коммуникации, развлечение, контроль.

«Добро пожаловать в мир новых впечатлений».

В первые годы жизни Дариан казался совершенно обычным мальчиком.

Под присмотром разных нянь, каждая из которых любила его по-своему, он превратился из здорового младенца в крепкого карапуза. Ни особых дарований, ни задержек в развитии у него не наблюдалось. Он ходил, разговаривал, учился и играл, как любоймышленный ребенок.

Поначалу, когда Пол только привез крошку-сына домой из больницы, он едва мог проводить с ним время, особенно после того, как Скиззиц вернулась к себе, лишив его подстра-

ховки. Иногда Полу было тяжело даже взглянуть на сына. Каждый миг, каждый мимолетный взгляд оборачивался мучительным напоминанием о безвременной кончине жены.

Пока няни занимались повседневными заботами и ухаживали за мальчиком от пеленок до школы, Пол пытался понять, ради чего жить дальше.

Преодолевая этапы горя и злости, он постепенно учился принимать и ценить едва уловимые черты Шэрон, которые замечал в Дариане. В придачу к прекрасным серо-голубым глазам мальчик унаследовал ее любознательность, ум и отвагу.

Одним солнечным воскресным днем Пол устроился с книгой в любимом кресле. Бросив взгляд на ковер, он увидел, как Дариан возводит сеть небоскребов из коробок, игрушечных рельсов и деревянных брусков, и невольно заинтересовался.

Неожиданная волна эмоций застала Пола врасплох. Он отложил книгу и задумался: «Когда это произошло?» Незаметно для себя он полюбил сына не меньше Шэрон. В тот момент он поклялся стать лучшим в мире отцом и восполнить хотя бы часть бездумно растраченного времени.

В начальной школе Дариан учился хорошо и неизменно входил в 10% лучших учеников. Он был подвижным, но не спортивным. Небольшая замкнутость не мешала ему чувствовать себя счастливым и в школе, и дома.

В начале второго класса с ним произошел один случай, значение которого станет яснее много лет спустя. Дежурная учительница заметила, как на игровой площадке Дариан за обе щеки уплетает глину. Она шутливо пожурила его, аккуратно вытерла ему рот, отряхнула и отправила играть дальше, а позже рассказала о происшествии учителю, который передал все Полу.

Решив, что причина странного поведения, скорее всего, кроется в проблемах с питанием, Пол отвел сына к доктору Холден. Она по-прежнему наблюдала его как консультант «Нейро-нано» и проводила ежегодные осмотры. Рентген головы прекратили после того, как денди не проявились на восьми снимках подряд – Дариану на тот момент только-только исполнилось два года. Доктор Холден сделала несколько анализов крови и направила мальчика к опытному диетологу, который назначил витаминно-минеральные добавки.

К всеобщему облегчению, после нескольких обнадеживающих бесед с участием отца, врача и школьного психолога этот странный и слегка тревожный случай больше не повторялся, во всяком случае публично.

К десяти годам, когда помощь нянь больше не требовалась, Дариан принимал по пять добавок в день и тайком удовлетворял свои странные пищевые пристрастия после школы. Как и большинство родителей, его слегка рассеянный отец не замечал в поведении сына ничего необычного.

Избыток минералов и кремнезема в секретном рационе Дариана творил настоящие чудеса для изголодавшихся денди. Благодаря мощной подпитке крошечные нанодомены, рассеянные по его мозгу, наконец ожили после долгих лет бездействия.

Полупроводниковые репликазы и силицен-синтазы взялись за дело и принялись штамповать строительные кирпичики для денди, чтобы те могли воспроизводиться и объединяться в сеть. Глиальные клетки, зараженные денди-вирусом, выделяли сигнальные молекулы, помогая новым силиценовым волокнам соединяться в единую матрицу.

Вскоре после двенадцатилетия у Дариана начались мигрени.

Пол списывал симптомы на предпубертатные боли роста и даже грипп. Он выдавал Дариану обычные лекарства из аптеки и требовал, чтобы тот больше спал и пил воду. Болеутоляющие почти не помогали. После череды бессонных ночей Дариану надоело беспокоить отца. Сильный духом, он гордился тем, с какой стойкостью переносит мигрени. Несмотря на хроническую боль, он научился вести нормальную жизнь.

Примерно в то же время Дариан стал замечать, что школьные уроки и домашние задания даются ему гораздо легче, чем раньше. Новые способности отразились на оценках. Чтобы убить скуку, он стал изучать более сложные темы в Интернете.

В один дождливый октябрьский вечер Дариан сосредоточенно сидел за планшетом, погруженный в изучение когнитивных алгоритмов с курса МТИ по искусственному интеллекту. Пол, усталый и голодный, остановил машину на темной подъездной дорожке у дома.

Он взял с пассажирского сиденья пакет с едой на вынос и заглушил двигатель. Не считая света в гараже, дом был погружен в темноту.

Странно: ни света на кухне, ни в комнате Дариана, ни мерцания телевизора.

Пол плотнее натянул пальто, распахнул дверцу машины, борясь с внезапным порывом ветра, и закрыл ее пинком. Потом, склонившись против ветра, поднялся по ступеням на крыльцо и вошел в дом.

– На ужин китайская еда, – объявил он.

В темноте виднелось лицо Дариана, освещенное планшетом.

– Приве-е-ет! Давай-ка включим свет.

Дариан не обращал на него ни малейшего внимания.

Дети!

– Я принес твое любимое блюдо, – громче крикнул Пол.

Тишина. Все равно что с кошкой разговаривать.

Пол снял обувь, повесил промокшее пальто и ослабил галстук. Наверное, стоит порадоваться, что Дариан настолько увлечен чтением.

Его оценки становились все лучше, вне школы он увлеченно исследовал науку и технологии.

И все-таки здорово иногда просто поговорить о бейсболе.

Страсть и рвение к изучению мира Дариан явно унаследовал от матери.

Пол зажег свет в гостиной. Дариан даже не оторвал взгляд от планшета.

– Эй, дружище, что читаешь? – Пол плюхнулся на диван рядом с сыном.

Он наклонился и взглянул на экран: технические статьи, незнакомые символы и диаграммы. Страницы мелькали так быстро, что Пол не успевал ничего понять.

– Как ты вообще это читаешь?

Дариан никак не реагировал и просто таращился в планшет.

– Дариан?

Нет ответа. Глаза мальчика были прикованы к мерцающему экрану.

– Эй! – крикнул Пол, толкнув сына в плечо, чтобы вывести из транса. – Дариан!

Он толкнул сильнее.

Тело мальчика просто поглощало резкие движения. Его глаза не отрывались от экрана.

Заинтересованность Пола сменилась раздражением, а затем и откровенным гневом. Он выхватил планшет и повернул его экраном вниз. Дариан попытался его забрать, но отец схватил его за руку. Мальчик начал вырываться и вопить, как избалованный пятилетка, у которого забрали любимую игрушку.

– Да что за чертовщина? Дариан!

Затем истерика прекратилась так же внезапно, как началась, и Дариан безвольно обмяк.

Гнев Пола испарился без следа.

Ради всего святого...

Пол прижал голову сына к своей груди.

– Дариан! Сынок, все хорошо. Все в порядке.

Покой длился недолго. Мышцы Дариана одеревенели, Полу стало трудно его удерживать. Повернув лицо сына вверх, он заметил, как его глаза закатились, а веки плотно сомкнулись.

Поверх бледного лица будто проступили черты Шэрон за несколько секунд до того, как она упала перед его машиной.

– О, нет! Не смей! Дариан!

Припадок. Что я знаю о припадках? Устроить поудобнее. Ослабить воротник. Повернуть набок. Ничего не класть в рот.

Он ждал, надеясь, что все пройдет само по себе. Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Никаких изменений.

Надо отвезти его в больницу!

Каким-то чудом Пол сумел встать, опустив голову Дариана на подушку. Обулся, схватил пальто и ключи от машины. Затем поднял сына вместе с пледом и понес в машину.

Он такой легкий, – не мог не заметить Пол.

Он неловко уложил Дариана на заднее сиденье, плотно укутал пледом и как мог пристегнул, чтобы сын не скатился с кресла. Дрожащими руками включил заднюю передачу, развернулся и помчался в ближайшую больницу.

В отделении скорой помощи было тихо. Из-за холодной сырой погоды все, кроме самых больных, сидели по домам. Пол прошел мимо глазающих курильщиков в больничных халатах и внес сына внутрь через раздвижные стеклянные двери.

– Помогите! – на ходу крикнул он.

Медсестра на приеме лишь мельком взглянула на парализованного мальчика и тут же поднялась с места.

– Следуйте за мной.

Она отвела Пола к ближайшей свободной койке.

– Что случилось? – спросила она, задвинув занавеску.

– Он просто читал планшет. – На Пола накатывало жуткое чувство дежавю. – Я никак не мог привлечь его внимание, а потом у него вдруг началось что-то вроде припадка.

– Давно он в таком состоянии?

– Минут двадцать. Что с ним?

– У него случались приступы эпилепсии?

– Насколько я знаю, нет. Но... – Пол замешкался.

– Но что? – Медсестра измерила пульс и давление Дариана, а заодно проверила реакцию зрачков.

– Его мать... Моя жена... – Пол старался держать себя в руках.

С чего же начать?

– Так что с ней? – подтолкнула медсестра.

Пол попытался снова.

– Она погибла из-за несчастного случая после похожего припадка. Но до этого у нее тоже не было признаков эпилепсии. Ни разу. Ни у нее, ни у Дариана. Да и вообще, у нее другой случай. У нее в голове были денди.

Слова вырвались сами собой. Медсестра смотрела на него в недоумении.

Пол вдруг понял, что тоже тарашится на нее.

Наверное, я похож на сумасшедшего.

К счастью, прежде чем он успел все испортить объяснениями, подошел врач. После осмотра Дариана и краткой беседы с медсестрой он начал расспрашивать насчет медицинской истории сына. На этот раз Пол говорил яснее и не стал упоминать о денди.

Врач назначил рентген и ЭЭГ и пообещал вернуться, когда будут готовы результаты.

Пол взял планшет со страховыми формами и начал их заполнять. Не время уступать перед натиском тяжелых воспоминаний – воспоминаний о том последнем разе, когда он сидел на жестком пластиковом стуле и точно так же заполнял формы. Он сосредоточился на текущей задаче, наблюдая, как поля для ответов поочередно покрываются чернилами.

Дариан не приходил в сознание, но напряжение в мышцах наконец ослабло. Отцовская паника пошла на спад.

Это просто припадок. Все будет хорошо, – убеждал себя Пол.

Спустя час доктор вернулся с результатами рентгена и ЭЭГ. Изучив снимок, он недоуменно покачал головой и наклонился ближе. Его лоб прорезала складка. Не говоря ни слова, он переключился на ЭЭГ. Складка стала глубже.

Врач вызвал техников, отвел их в сторону и начал о чем-то расспрашивать. Они вполголоса обсуждали снимки и записи, переходя от одного раздела к другому, и в итоге сошлись на том, что те действительно выглядят необычно, но свою работу отстояли. Врач подошел к Полу.

– Мистер Ли, ваш сын задал нам ту еще задачку.

– В каком смысле?

– Взгляните сюда. – Врач поместил рентгеновский снимок в негатоскоп. – На снимке видны странные пятна и размытая дымка. Сначала я подумал, что у нас неполадки с аппаратом или детектором, но техник все проверил лично и клянется, что оборудование исправно. Он сделал три снимка с разных ракурсов, и на всех одно и то же.

Пол будто переместился на двенадцать лет в прошлое и в ужасе уставился на снимок.

– Быть не может, – прошептал он.

Снимок почти ничем не отличался от того, чтобы сделали Шэрон в день несчастного случая.

Врач вопросительно поднял бровь. Пол лишь оцепенело покачал головой.

– ЭЭГ тоже выглядит довольно необычно, – продолжил врач. – Видна значительная электрическая активность. Не похоже ни на эпилептический припадок, ни на обычные мозговые волны. Вы уже видели нечто подобное? Есть что рассказать?

Пол откашлялся.

– Никогда с таким не сталкивался, – выдавил он, избегая зрительного контакта.

– Хм, ладно. – Врача его слова явно не убедили. – Я немного увлекаюсь технологиями и слежу за последними новинками. Эти пятна на снимке вашего сына очень похожи на те, что я видел в научных статьях о денди-матрицах «Нейронано». Слышали о них?

– Конечно. Собственно говоря, моя жена стоит у истоков этой области. Я и сейчас владею небольшой долей компании.

– Неужели? Тогда вам, должно быть, известно, что нейронные матрицы ограничиваются сенсорно-моторной и затылочной корой, а также височными долями мозга?

– Нет, не особенно. Это ее работа, сам я не ученый. Шэрон обсуждала ее со мной, но то было много лет назад. Ее не стало, когда родился Дариан. Я уже давно не слежу за новостями.

– Ясно. Но, возможно, вы знаете, что нейронные матрицы разрешены только для взрослых?

– Об этом я слышал.

– Может, тогда вы объясните, почему такая матрица видна на рентгене вашего сына и почему она успела так разрастись?

Пол и правда был сбит с толку.

– Честно говоря, понятия не имею.

– По словам сестры Рэнсон, вы упоминали, что мать мальчика, ваша жена, скончалась от похожего припадка несколько лет назад.

– Верно.

– И, если я правильно помню, она была первым человеком с нейронной матрицей.

– Да, она была первой испытуемой, и сама сделала себе инъекцию денди. Я узнал обо всем лишь спустя несколько месяцев, когда с ней случился припадок. Мы даже не успели об этом поговорить.

– Если можно, я бы хотел получить ее медицинскую карту и сравнить ее с картой вашего сына.

– Да, разумеется.

Врач не сводил с Пола глаз, ожидая дополнительных подробностей или даже признания, но тот ничего не заметил. В голове кружил водоворот мыслей.

Неужели дэнди Шэрон попали в тело Дариана? Доктор Холден говорила, что у Дариана их не обнаружили, ни одного признака в анализах.

Он мучительно размышлял над тем, что знал, а чего – нет, о чем стоит рассказать, а о чем лучше умолчать.

Надо поговорить с Ником и доктором Холден.

– Где я? – простонал Дариан. Он зажмурился от яркого света и огляделся по сторонам, растерянный и испуганный.

– Ты очнулся. – Улыбнувшись, врач приступил к осмотру и неврологическим тестам. – Что ты помнишь?

Дариан пересказал свои последние воспоминания – как он сидит дома на диване и читает научные статьи. Врач заключил, что, несмотря на часовой обморок, его физическое и ментальное состояние в полном порядке. Мышцы болели, но этого следовало ожидать.

На следующий день врач назначил дополнительное обследование, включая МРТ и полную ЭЭГ-диагностику. Оставалось лишь наблюдать, и Дариана перевели из отделения скорой помощи в обычную палату. Медсестра снабдила его питьем для поддержания баланса электролитов и даже раздобыла им в кафетерии ужин, за что Дариан и Пол были весьма признательны.

Аппетит у Дариана разыгрался не на шутку. Через некоторое время Пол оставил измученного сына отдыхать, пообещав вернуться на следующее утро. Требовалось уладить кое-какие дела.

Машину он бросил на больничной парковке, откуда ее чудом до сих пор не отбуксировал эвакуатор. Сев за руль и больше не в силах сдерживаться, он судорожно разрыдался, сотрясаясь всем телом. Спустя некоторое время он наконец взял себя в руки, не сумев совладать лишь с гневом, и достал телефон.

Страх и смятение уступили место холодной, мрачной решимости. Пол пролистал список контактов. Его большой палец нерешительно дернулся над номером Ника. Первой мыслью было позвонить заранее и убедиться, что Ник дома и еще не спит, но Пол не мог заставить себя набрать номер. Что он скажет?

На машине до квартиры Ника рукой подать. Пол завел двигатель.

Глава 13

Дарья перекатилась и вскочила на ноги, обессиленная, но с мечом наготове: убей или умри.

Береги силы. Оценивай. Дыши. Атакуй.

Эта мантра не дала ей машинально прикончить перепуганного ученика, который рывком втащил ее в дверной проем.

– Принцесса, – раздался голос из клубящейся пыли амбара.

Дарья прикрыла рот, чтобы не закашляться. Дверь позади нее захлопнулась, взметнув еще одну волну пыли. Она яростно заморгала и подождала, пока зрение приспособится к тусклому освещению.

Наконец она различила четыре обеспокоенных лица, а за ними еще шесть, в которых узнала сегодняшних рекрутов.

– Вы что здесь делаете? – прошипела она старшим помощникам. – Вы должны были уйти! Они заерзали, как провинившиеся дети, избегая смотреть ей в глаза.

– Прости, принцесса. Новым рекрутам хотелось посмотреть на бой с драконом. Мы думали, что от нескольких минут вреда не будет, но потом появился второй дракон, и мы уже не могли уйти. Когда заявили охранители, мы постарались сбежать как можно быстрее. Но пока добирались до крепости, ее успели взять в кольцо.

– Похоже, охранители узнали о нашем запасном выходе, – сказала Дарья. – Либо их методы слежения стали куда лучше, либо его кто-то сдал.

Сама Дарья склонялась ко второму варианту.

– Сможешь вывести нас из замка? – спросил один из помощников. – Или есть место, где можно спрятаться, пока они не уйдут?

Плечи Дарьи поникли. У нее не осталось сил изображать уверенность.

– Спрятаться негде. Охранители перевернут королевство вверх дном, пока не поймают всех нарушителей, а потом Лирандию ликвидируют. Все, кто останется здесь, погибнут при отключении симуляции.

Они слушали, надеясь, что Дарья вот-вот выдаст чудесный план спасения, и теперь были буквально раздавлены этой новостью.

Сейчас они прикидывают: рискнуть и пойти со мной до конца или спасти себя, выдав остальных, – думала она.

– Возможно, некоторым удастся спастись. У меня есть аварийный выход, о котором я никому не рассказывала. Но у него есть ограничения: перенос по одному человеку за раз, с перезагрузкой. Однако охранители наблюдают за интрамировым трафиком, поэтому найдут нас раньше, чем все успеют выйти.

Она дала ученикам время осмыслить ее слова.

– Но некоторые все же успеют, – с надеждой произнес кто-то сзади.

– Да, некоторые. Только сначала нужно провести разведку. Потом рассчитаем оптимальный план действий.

Ученики переглянулись, пытаясь прийти к согласию, и одновременно кивнули. Дарья надеялась, что у нее хватит сил на последний рывок к свободе.

Выход располагался внутри неприметного хозяйственного сарая у задней стены замка. Внутри были лишь швабра, ведро и раковина. Каждый день пара замковых слуг отмывала близлежащие каменные дорожки, не подозревая, что внутри сарая при помощи особой последовательности действий можно открыть выход в экстрамир.

Дарья провела учеников через заднюю дверь конюшни. Улицы опустели. Охранители с беспощадной эффективностью связали виртуальными путями большую часть толпы и теперь

вылавливали более находчивых беглецов, а поймав, отводили на парковку для дальнейшей обработки.

У нас почти не осталось времени!

Стараясь производить как можно меньше шума, они помчались к внешней стене и вдоль нее добрались до сарая в заднем углу. К счастью, охранители не обратили на него внимания.

Пока что.

Дарья поделилась с группой протоколом отхода.

– Оказавшись внутри, вы активируете выход: поворачиваете излив крана до упора влево, а затем до упора вправо. Далее включаете горячую воду – ровно наполоборота, затем холодную – тоже наполоборота. И наконец перекрываете холодную воду, а затем горячую. Последовательность должна быть именно такой. Запомнили? В полу над сливным отверстием появится черное поле – это и есть портал. Шагните в него – и окажетесь в экстремире, а поле исчезнет. Пользоваться им можно по одному человеку за раз, перезагрузка около десяти секунд. Так что в сарай заходите с интервалом в двадцать секунд.

– Как быстро нас обнаружат охранители?

Дарья мысленно восстановила передвижения сил охранителей, которых они встретили по пути, и оценила количество беглецов, которые все еще оставались на свободе. Активация выходного портала неизбежно привлечет внимание.

Когда охранители засекут выход, им потребуется некоторое время, чтобы его заблокировать. Пока приказ о захвате сарая дойдет вниз по цепочке до ближайших кибридов, пройдет минуты две максимум. С вероятностью 90% этого времени хватит на пять-шесть переходов.

Чтобы спасти всех, включая саму Дарью, портал придется активировать одиннадцать раз. Расклад явно не в их пользу. Она поделилась плохими новостями с остальными.

Ее ученики были практичными и умели решать задачи. Сдаваться они не собирались.

– Можно ли их задержать? Устроить отвлекающий маневр?

Дарья отчаянно пыталась придумать, как увеличить шансы на успех. Ее центр обработки данных работал все медленнее.

– Чем бы мы их ни отвлекали, стоит активировать портал, как они тут же побросают все дела и направятся к нам.

– А что, если... – Группа подкинула несколько безумных идей, но ни одна из них не нашла отклика.

Мы теряем время.

Дарья знала, что нужно сделать, но ей не хватало духу сказать остальным, пока они не переберут другие варианты. И вот этот момент настал.

– Если пожертвуем тремя, сможем спасти восьмерых. На этих троих наложат виртуальные путы и отправят на допрос к охранителям, посчитав, что у них есть важные сведения о Соппротивлении. Допрос будет жестким и, скорее всего, закончится полным стиранием личности. Троим из нас придется сражаться – сражаться и погибнуть, – чтобы спасти остальных.

– Значит, тебе надо уйти первой. Мы сами решим, кого спасти.

Дарья хотела возразить. Именно она подвергла их опасности, а значит, обязана защищать как можно дольше. Но в основе их движения лежало рациональное начало, и если отбросить все благородные жесты, ясно, что Соппротивление не может существовать без лидера. В итоге рациональность взяла верх.

– Хорошо. На счету каждая секунда. Как только я войду в сарай, трое прикроют все подходы. Возьмите все, чем можно защититься. Выиграйте нам как можно больше времени. Тем, кто последует за мной, нужно как можно быстрее пройти сквозь портал. Надеюсь, я слегка обсчиталась, и мы все успеем сбежать. Через некоторое время я свяжусь с вами в экстремире. Если не получу ответа, буду считать, что вы не выбрались. Знайте, что и я, и наше движение благодарны вам, и я найду способ оповестить ваших друзей.

Решение было принято. Дальнейшее промедление означало смерть. Дарья оставила их самих решать, кто уйдет, а кто останется и даст бой.

Она открыла дверь и вошла в сарай. Внутри, как всегда, пахло мокрой шваброй и грязной водой. Через единственное окошко под потолком пробивалось достаточно света, чтобы разглядеть кран.

Следуя собственным инструкциям, Дарья повернула излив, а затем стала открывать и закрывать воду в нужной последовательности.

Над сливным отверстием в полу бесшумно возникло размытое черное поле. Дарья шагнула в него и навсегда покинула Лирандию.

Глава 14

И для осколка, и для монаха день выдался насыщенным. Дарак пешком обошел добрую часть Алумстона, наслаждаясь повсеместным очарованием и гостеприимством. Как бы между делом он познакомился с городом и его жителями, заводя короткие разговоры с теми, кого встречал на улице за работой или отдыхом.

Куда бы он ни приходил, люди испытывали благоговейный трепет при виде столь святого и приближенного к Алуму существа. Его ненавязчивые и скромные манеры завораживали. Его вопросы были искренними и доброжелательными, он никогда не выискивал ни слабостей, ни недостатков. Каждый, с кем он говорил, на краткий миг ощущал себя самым важным человеком в городе, свою работу – самой необходимой, а свои заботы – самыми насущными.

Предложения Дарака по улучшению работы и гармонизации отношений казались продиктованными свыше. Те, кому посчастливилось получить совет, спешили воплотить его идеи, пока они свежи в памяти. Любовь и хвала сопровождали его повсюду – разумеется, во Имя Алума.

Брат Страласи в тот день тоже посетил немалую часть Алумстона, мечась по городу, как курица без головы. Не находя себе места от волнения, монах лихорадочно готовился к отбытию и договаривался, как следует организовать исполнение своих обязанностей на время путешествия.

Он тщетно уговаривал осколка провести церемонию официального благословения или прочитать проповедь в Центральном парке. Каждый раз Дарак отвечал вежливым отказом:

– Я пришел говорить, а не выступать с речами.

Наконец раздосадованный монах занялся своими делами. Времени и так оставалось мало.

Брат Страласи назначил временного хранителя и за оставшиеся часы постарался как можно полнее ознакомить младшего брата с делами Алумиты.

Брат Уэстлок нервничал, но к новой роли временного старшего брата отнесся с энтузиазмом. Послушник всегда был сообразительным и усердным. Брат Страласи не сомневался, что тот справится с новыми обязанностями.

– Ты, возможно, удивишься, но духовное руководство Народом – самая легкая часть этой должности, – признался добрый брат. – Это требует времени и порой бывает утомительным, но хорошо выполненная работа приносит удовлетворение и важна сама по себе. Люди это ценят.

– Куда сложнее добиться верности. Эта работа требует не меньше времени, но благодарности за нее ждать не стоит. Более того, без должной деликатности наблюдение и поддержание верности может посеять неприязнь.

– Но ты должен оставаться сильным. Важность этого невозможно переоценить. Неустанные молитвы приводят в действие машинерию всех миров, а чтобы и дальше получать благословения Алума, крайне важно демонстрировать должное выражение любви, которую к Нему питает Народ. Молитвы на энергостанциях и звездододе должны продолжаться без перебоев. От этого зависит наше выживание. Действуй надлежащим образом.

Брат Уэстлок поджал губы и выпалил вопрос прежде, чем успел передумать:

– Брат, до меня доходили слухи об основанных городах, которые из-за несговорчивости звездододе оказались вне Сети Алума и были вынуждены пережить суровые зимы на холоде. Правда ли это?

Брат Страласи не мог и представить, чтобы подобные тяготы выпали на долю его возлюбленной паствы.

– Брат Уэстлок, я мог бы весьма выразительно и во всех красках описать, насколько физическое благополучие – и даже само выживание – колонии зависит от нашего дисциплинирован-

ного и набожного почитания законов. Но я дам тебе возможность самому представить ужасы, которые постигнут колонию, если ты не справишься с обязанностями и Алумстон будет оторван от Царства.

При мысли о подобной изоляции на невинном лице брата Уэстлока проступила неподдельная боль. Наставник добросердечно наблюдал за ним, волнуясь, по силам ли этому пока не испытанному послушнику предстоящие трудности.

Молодой монах глубоко вздохнул, расправил плечи и уверенно встретился взглядом с братом Страласи.

– Можете на меня рассчитывать.

Заметив, как мягкие, почти детские черты брата Уэстлока наполнились твердой решимостью, добрый брат расслабился. Он радовался и испытывал невероятное облегчение, видя, с каким жаром этот подающий надежды парень, которого он лично выбрал среди других послушников, готов взяться за новую, более ответственную работу.

Да, он справится.

Убедившись, что брат Уэстлок полностью понимает круг своих обязанностей, брат Страласи занялся подготовкой к предстоящему путешествию на Родной мир.

Он решил отправиться налегке и вдобавок к запасной рясе взял лишь теплую куртку, леггинсы из бамбукового волокна и шерстяные носки на случай более холодной погоды. Брат Страласи рассчитывал, что о базовых потребностях в пище и средствах личной гигиены позаботятся общины по пути. В конце концов, он будет сопровождать осколка Алума.

Несмотря на беспокойную ночь, проведенную в отчаянных попытках не возвращаться мыслями к вчерашнему ужину и не предвосхищать грядущие приключения, брат Страласи проснулся рано, бодрый и посвежевший.

Дарак уже встал и прогуливался по саду, общаясь с птицами, насекомыми и лягушками.

– Доброе утро, брат Страласи. Надеюсь, ты хорошо отдохнул, – поприветствовал осколок, возвращая на ветку маленькую волосатую гусеницу.

– Как ни странно, да, – с воодушевленной улыбкой ответил тот.

Они направились в ресторан «У Розы», чтобы позавтракать и напоследок еще раз пообщаться с местными жителями перед отбытием.

Спустя два часа, когда все доброжелатели разошлись по делам, брат Страласи и Дарак все еще сидели, медленно потягивая кофе.

– Мы покинем город обычным способом или ты предпочитаешь... ну... – брат Страласи понизил голос до шепота, – ...воспользоваться своим тайным звездоходом?

– Мы уйдем тем же путем, которым я прибыл, – ответил Дарак, тщательно подбирая слова.

– Твой тайный звездоход на западе? Далеко идти?

– Столько, сколько потребуется. Не больше и не меньше.

– Нужно ли мне одеться с учетом холодной погоды на высоте? – попытался вывести детали брат Страласи.

– Думаю, твоя одежда вполне подойдет.

Брат Страласи открыл было рот, чтобы испробовать другой подход, но Дарак упреждающе поднял руку.

– Мы отправляемся прямо сейчас.

Он твердо положил ладонь на плечо доброго брата. По его виду было ясно, что никакой задержки или несогласия он не потерпит.

Брат Страласи послушно пресек свое любопытство.

– Да, Владыка.

Монах обратился с краткими извинениями к персоналу, посетителям и собравшимся на улице доброжелателям.

Дарак без колебаний зашагал к жилому корпусу алумиты. Брат Страласи поспешил следом. Остановились они только для того, чтобы монах забрал свои вещи и коротко попрощался с братом Уэстлоком, после чего они отправились в путь.

Монах-алумит, по меркам большинства быстрый ходок, едва поспевал за непомерными шагами Дарака. У него не было ни минуты, чтобы предаваться сожалениям о преждевременном уходе из колонии.

Они прошли не меньше десяти километров мимо поля высадки, пересекли мелкий ручей и оставили позади первые хребты предгорий, прежде чем Дарак сбавил темп.

– Сколько... – с трудом дыша, произнес брат Страласи, – сколько... еще... до твоего... звездохода... Владыка?

Дарак оглядел невысокие холмы вокруг.

– Думаю, это место сгодится.

Брат Страласи осмотрелся по сторонам, но не увидел ничего особенного. Конечно, он мог и не заметить звездоход, если тот хорошо спрятан среди желтых камней и невзрачной синевато-зеленой растительности, хотя сильно сомневался, что на такой открытой местности можно спрятать хоть что-то важное.

– Владыка, следует ли мне приступить к молитве?

Ветер с гор нес странный металлический привкус местной флоры.

В его мыслях без труда сложились слова молитвы о единении – результат бесчисленных повторений: «Алум, Владыка и Защитник творения Йова, Свет Народа Своего, позволь же нам вновь примкнуть к братьям и сестрам нашим на благословенных планетах среди далеких звезд. Когда мы потеряны в Дуурмане и отделены от Народа Твоего, когда нас настигает одиночество и страх, мы просим Тебя о единении, молим принять нас в Священную Сеть Твоего Великого Царства».

Обычно молитву нужно было прочитать раз десять, а на Рубеже и того больше. Лишь после этого звездоход получал благословение Алума и активировался. В случае крупных алумит в более развитых центрах ускорить одобрение Алума и сократить количество повторений помогали приятные на слух музыкальные инструменты и сложные, гармоничные вокальные партии.

После активации портал сохранялся открытым, пока напевы оставались благозвучными для Алума. Разрыв связи до завершения переноса был страшным позором для местной алумиты. В густонаселенных центрах с интенсивным межпланетным трафиком несколько звездоходов держались открытыми постоянно за счет непрерывного пения больших хоров. Логично предположить, что тайный звездоход осколка потребует меньше усилий, чтобы привлечь внимание Алума.

– Что? Ах, да. Э-э-э... нет, – рассеянно ответил Дарак, слух которого был по большей части обращен на нечто незримое – во всяком случае пока.

К чему прислушивается осколок? – задумался брат Страласи. Сам он ничего не слышал.

Наконец Дарак с удовлетворенным видом устроился на большом камне.

– Сейчас не время для молитвы. Время проявить терпение и внимание. Скоро мы узнаем кое-что новое.

Дарак закрыл глаза, чтобы насладиться легким ветерком и теплыми лучами солнца на лице, пока еще была такая возможность.

Глава 15

Блаженную тишину транспортного керафиса Алумстона нарушил пронзительный перезвон, сообщающий о скором переносе через звездоход.

Брат Йонтег испуганно убрал ноги со стола и вернул мастерски сбалансированный стул на все четыре ножки.

Как странно. У нас не запланировано ни поставок товаров, ни перемещений персонала.

Он сверился с Интерматом.

Да, ничего не запланировано, и ни одного заказа с тех пор, как я заступил на дежурство.

К счастью, он не пропустил еще один запрос. Когда это произошло в прошлый раз, ему сделали выговор и пригрозили перевести на работу вне Алумиты, если в будущем он не проявит должного усердия.

Йонтег отправил короткое сообщение, чтобы уведомить о неожиданной активации звездохода брата Страласи. От Интермата моментально пришел ответ: «В данный момент брат Страласи недоступен».

О, точно, – вспомнил Йонтег. – Брат Страласи покинул планету вместе с осколком Алума. Обязанности старшего брата исполняет брат Уэстлок. Как бы теперь не заснуть на утренних собраниях.

Он сосредоточился и принялся составлять Интермат-уведомление для исполняющего обязанности старшего брата. Второй звонок оповестил о завершении переноса через звездоход. Йонтег окинул взглядом помещение.

Кто же прибудет в нарушение расписания?

Когда он увидел ответ, его лицо побелело.

Алум Всемогущий, помилуй!

На безупречно белом диске звездохода стоял ангел Алума в сопровождении двух парящих сфер-охранителей. Йонтег слотнул.

Больше трех метров ростом, с кожей, будто жидкий металл, в которой, как в кривом зеркале, отражалась комната, ангел внушал страх. Опалесцирующие крылья сияли изнутри ярким светом. Мускулистое тело было полностью обнажено, не считая сандалий и черной набедренной повязки, которая удерживалась ремнем с сапфировым мечом в ножнах. Он был великолепен, но высокомерная усмешка вселяла ужас.

Большинство людей видели ангела лишь мельком, когда тот покидал Родной мир и отправлялся на битву. Ангелов было немного – меньше миллиона во всем Царстве, – но по силе они не знали себе равных.

Сотня ангелов могла обратить в пыль целую солнечную систему. Разрозненные туманности в далеких, неизведанных частях нескольких галактик служили доказательством разрушительной готовности ангелов насаждать Закон Алума. Если прибытие осколка указывало на сбор информации, оценку и суждение, то ангел означал смерть, быструю и беспощадную. И зачастую в умопомрачительных масштабах.

Почти такой же ужас внушала и пара сопровождающих охранителей диаметром не меньше роста ангела. Они были абсолютно черными и будто поглощали окружающий свет. Казалось, перед тобой дыры в пространстве. Было почти невозможно разглядеть их точные очертания, а при внимательном взгляде создавалось впечатление, будто падаешь в бесконечную пропасть. Считалось, что это не так уж далеко от истины. Поговаривали даже, что, помимо множества чудесных способностей, внутри у охранителей есть собственные преисподнии, в бесконечно коллапсирующей пустоте которых могли потонуть целые города.

Хранитель звездохода Йонтег рухнул на пол и зарыдал, предчувствуя неминуемую гибель – свою, своих друзей и коллег, всей многообещающей планеты. Он не мог и представить, какие

прегрешения могли вынудить ангела обрушить свой гнев на Гаргус-718.5, но был уверен, что отправить сюда одного из Своих самых грозных и могущественных слуг Алум мог лишь в ответ на величайшее оскорбление.

Ангел сошел с диска, остановился перед дрожащим Йонтегом и протянул руку, чтобы помочь ему подняться на ноги.

– Встань, брат! – Мелодичный голос звучал сразу со всех сторон, наполняя комнату любовью, состраданием, веселостью и властной силой.

Брат Йонтег поднял взгляд, удивленный тому, что еще жив.

Двое охранителей перекрыли главные входы в зал звездодода.

Ангел без особых усилий поднял ошарашенного брата на ноги. Тот, как мог, сдерживался, чтобы не убежать, крича во все горло.

– Ч-ч-чем могу служить, Владыка? – наконец выдал он, проглотив ужас.

Ангел улыбнулся своей прекрасной устрашающей улыбкой и единожды взмахнул мощными крыльями.

– Можешь называть меня лорд Мика. Насколько я понимаю, недавно у вас был гость?

Брат Йонтег сразу понял, о ком речь.

– Да, лорд Мика. Это был лорд Дарак, осколок Алума.

Улыбка лорда Мики стала шире, отчего он сделался еще страшнее.

– Да, осколок Дарак. – Его голос скользил по титулу святого, как змея. – И где же осколок Дарак сейчас?

– Утром они вместе с братом Страласи отправились на Родной мир.

Ангел обдумал услышанное.

– Я просмотрел журнал активации этого звездодода и не вижу никаких перемещений, кроме моего. Ничего не зафиксировано с момента последней записи более восьмидесяти семи часов двадцати одной минуты назад.

– Лора Мика, осколок Дарак прибыл к нам, не пользуясь общественным звездододем. Они с братом Страласи ушли пешком, предположительно к его тайному звездододе на западе.

– Любопытно.

Ангел осмотрел комнату, и его взгляд сосредоточился на встревоженном монахе.

Голова брата Йонтега взорвалась от боли. Он открыл рот, чтобы закричать, но не смог издать ни звука. Всего за пару секунд его разум был безжалостно выпотрошен: ангел хотел знать все подробности последних двух дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.